

ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Сборник

Война после войны

«Фонд развития конфликтологии»

2016

УДК 327.54
ББК 63.3

Сборник

Война после войны / Сборник — «Фонд развития
конфликтологии», 2016

ISBN 978-5-9906484-2-5

В книгу «Война после войны» включены уникальные материалы сотрудников КГБ СССР, российских учёных, посвящённые противостоянию спецслужб США и СССР в холодной войне. Авторы раскрывают тайный механизм соперничества двух сверхдержав в наиболее драматичные этапы истории послевоенного периода с 1945 по 1991 год. Книга будет интересна не только для профессиональных политологов, историков, конфликтологов, но и для широкого круга читателей, интересующихся историей своей страны.

УДК 327.54

ББК 63.3

ISBN 978-5-9906484-2-5

© Сборник, 2016
© Фонд развития
конфликтологии, 2016

Содержание

Вступительное слово	6
Б. А. Старков	9
В. С. Белых	24
С. В. Чернов	31
Вместо предисловия	32
Узкий круг посвященных	36
Нежданный сюрприз	37
Оперативный замысел	38
Подготовка	40
Игра начинается	41
«Шторм» год за годом	43
Хранить вечно	45
«Инициативник», или «Игры патриота»	48
Рольф Дениэл – спецагент	49
Б. А. Подопригора	59
Вместо предисловия	60
Афганское десятилетие: пока живы эмоции...	63
«Прощай, Афганистан, которого мне жаль...»	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Война после войны

Сотрудникам КГБ СССР посвящается

© С. В. Рац, Н. И. Милютенко, сост., 2016

© Н. И. Милютенко, общ. ред., 2016

© Авторы, 2016

© Лики России, 2016

© Фонд развития конфликтологии, 2016

Вступительное слово

Статьи, включенные в представленную книгу, своим содержанием напомнят читателю страницы истории второй половины XX в. Этот период в истории отношений СССР и США получил название «холодная война», и на многих её этапах мир балансировал на грани ядерной катастрофы.

Во всей полноте читатель может получить уникальную возможность прикоснуться к тайнам механизма войны ведущих разведок мира. Борьба шла не только за конкретных учёных-физиков, являвшихся носителями секретов ядерного оружия, но в полной мере охватила сознание миллионов граждан, находящихся по разные стороны баррикад двух ведущих идеологических систем мира.

Несмотря на привлекательность идеологии марксизма-ленинизма и его невероятную популярность среди интеллектуалов Запада и Востока, социалистическая система в силу субъективных и объективных факторов стала с середины 70-х годов давать сбой и в конечном итоге рухнула, а вслед за ней произошёл развал СССР. Мировой баланс сил двух ведущих держав мира в одночасье был нарушен, с 1991 г. для Российской Федерации начался новый исторический этап.

Этот период характеризовался тем, что почти в течение более 20 лет Россия шла в русле политики США, безраздельно правивших в созданном ими однополярном мире.

Однако в недрах российского народа и его политической элиты нашлись лидеры и силы, которые на определённом этапе сумели сказать «нет» политике диктата и произвола одной страны, попиравшей международное право и уничтожившей суверенитеты ряда стран, таких как Югославия, Ирак, Ливия.

США и её сателлиты сегодня разжигают новые очаги напряжённости в Европе, на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, и информация, представленная учёными и ветеранами органов государственной безопасности в данной книге, напомнит политикам страницы вчерашней истории. Авторы прямо заявляют: «США и её союзники по НАТО сегодня выполняют заказ наднациональных монополий, ведут открытую войну с народами мира и это уже не «холодная» война.

Двенадцать авторов, включённых в сборник «Война после войны», каждый по-своему дают осмысление и оценку тем сложнейшим процессам, протекавшим в мировой политике с момента окончания Второй мировой войны 1945 г. и вплоть до развала СССР в 1991 г.

Материалы сборника условно можно разделить на две группы. К первой группе следует отнести статьи учёных: Б. А. Старкова, В. С. Белых, Б. А. Исаева, С. В. Раца; во вторую группу входят материалы сотрудников органов государственной безопасности и военной разведки, которые в прямом смысле в течение десятков лет находились на переднем крае тайной войны, оставив в истории современного периода след в виде статей, воспоминаний, размышлений о судьбе России.

Каждый материал уникален хотя бы потому, что раскрывает тайный механизм геополитического конфликта и в таком виде издаётся впервые в крайне опасный момент для всего мирового сообщества и ориентирован на широкого читателя. Так, например, Б. А. Старков, анализируя положительные результаты внешней разведки СССР приходит к выводу, что в основе её успеха лежала притягательность коммунистической идеологии, а также авторитет СССР на международной арене для лиц, принявших предложение сотрудничать с разведкой страны Советов.

В статье В. С. Белых раскрыты морально-психологические портреты лидеров антигитлеровской коалиции – И. Сталина, У. Черчилля, Г. Трумена, убедительно показано, что СССР для стран Запада и США был только крупной военно-политической фигурой в борьбе с нацист-

ской Германией, «союзником на час», и ради своих геополитических интересов они в одночасье превратили СССР из союзника во врага под номером один.

В своих материалах авторы выстраивают хронологию холодной войны, раскрывают наиболее опасные моменты, которые могли привести к прямому военному столкновению между США и СССР с использованием ядерного оружия. Так, например, согласно плану Трумена вооруженные силы США были готовы нанести ядерный удар по территории СССР в 1946–1947 гг. по 20 его городам. Опаснейшая ситуация сложилась во время корейской войны 1950–1952 гг., карибского кризиса 1962 г., войны во Вьетнаме. Авторы анализируют военно-политический конфликт, возникший после ввода 40-й армии СССР в Афганистан в 1979 г., который привёл к изоляции СССР в арабском мире, накалил обстановку в Центральной Азии. С другой стороны, под руководством спецслужб США и стран Запада в данном регионе родились под флагом «ислама» опасные террористические движения Талибан, Аль-Кайда.

Одной из ярчайших страниц деятельности спецслужб СССР в Афганистане посвящён уникальный материал В. З. Щиголева «Штурм дворца-крепости Тадж-Бека».

Информационная война, как элемент в стратегии, которая велась идеологическими центрами США и странами Запада в течение нескольких десятилетий после окончания Второй мировой войны, породила необратимые процессы в общественных движениях стран Варшавского договора, изменила сознание миллионов граждан в пользу мира капитала, что привело в конечном счёте к развалу стран социалистического содружества а в дальнейшем и СССР. Вопросы радиошпионажа впервые раскрыты в статье А. И. Куранова.

В материалах Б. А. Широнина, В. Т. Медведева сквозит «красной нитью» мысль о том, что только наличие ядерного оружия у СССР, а сегодня у Российской Федерации, является фактором удержания США и стран НАТО от прямой агрессии против России.

Заставляют задуматься читателя литературные зарисовки военного корреспондента Б. А. Подопригоры, раскрывающие зловещий лик гражданской войны, где бы она не происходила – в Афганистане, или Чеченской республике, и о показывающие миротворческую роль вооружённых сил СССР и России в разрешении военно-политических конфликтов любого уровня и любой сложности.

Завершают сборник аналитические материалы О. П. Аксёнова, Ю. И. Дроздова, Б. А. Исаева. В них подводятся итоги холодной войны: с одной стороны – развал СССР, с другой – США, присвоившие право диктовать миру свою политику, создавшие однополярный мир и по сей день навязывающие мировому сообществу свои принципы, игнорируя международное право. Под флагом борьбы «за демократию» на протяжении последних десятилетий США и их сателлиты по НАТО совершили тяжелейшие преступления против человечества. Так, например, бомбёжки и прямая агрессия против Югославии, Ирака, Ливии, Афганистана привели к уничтожению суверенитетов этих стран, полному хаосу, гражданским и религиозным войнам.

Сегодня с полной уверенностью можно сказать – исламское государство ИГИЛ, терроризирующее регионы Ближнего Востока и Центральной Азии, созданное по заданию спецслужб США и Саудовской Аравии, вышло из-под их опеки и контроля, и всерьёз напугало и поставило в тупик своих создателей.

Неконтролируемая миграция миллионов людей из северной Африки и Ближнего Востока, как результат агрессивной политики США сегодня парализует Европу и приводит к новому очагу напряжённости.

Данная книга посвящена геополитическому конфликту – холодной войне и роли в нём СССР, являвшегося гарантом стабильности мирового устройства. Авторы данной монографии предупреждают – США в результате своего стремления контролировать мировые ресурсы, экономику, политику подталкивают мир к новой мировой войне и это уже не холодная война. Хотелось бы завершить анализ данной книги словами Б. А. Исаева: «Если Россия хочет вновь стать мировой силой, если она хочет противопоставить американской доктрине свое виде-

ние мира как многополярной системы, она должна выдержать американское давление, причем выдержать его не только в политическом, но и в экономическом, финансовом, культурном, а если придется, то и в военном противостоянии».

В сборнике «Война после войны» авторами проведена главная мысль: Россия сегодня осуществляет независимую политику в тяжелейших условиях военного, экономического и политического прессинга и сумеет защитить свою независимость и суверенитет, даже если потребуется применить военную силу.

Данная книга рассчитана на широкого читателя, а также её можно рекомендовать студентам, аспирантам, историкам, политологам, конфликтологам – всем тем, кому небезразлична судьба России и мирового сообщества.

В. С. Гусев, С. В. Рац

«Фонд поддержки офицеров запаса государственной безопасности» выражает признательность за участие в проекте по изданию книги «Война после войны» Совету ветеранов УФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Генеральному директору ООО «НПО Еврохим» А. С. Дыкману, Президенту Научно-производственной фирмы «ВАПА» Б. Б. Сергуnenкову, Генеральному директору АО ПСФ «ТОНАР» Н. Г. Силютину, Генеральному директору ЗАО «Сервис-склад» А. А. Тимофееву, Генеральному директору ЗАО «СПб-90» В. В. Изотову, Генеральному директору ООО «Электромонтаж-сервис» В. А. Гладышеву, активному участнику проекта С. В. Бурцеву.

Особую благодарность Фонд выражает заместителю председателя Фонда развития конфликтологии Д. В. Кортаеву, главному редактору издательства «Лики России» Е. П. Шелаевой и его директору Ю. Б. Шелаеву.

Б. А. Старков
Холодная война: историческая
ретроспектива и ее уроки

СТАРКОВ БОРИС АНАТОЛЬЕВИЧ – российский историк, доктор исторических наук, профессор Университета экономики и финансов (СПбГУЭФ), заслуженный деятель науки Российской Федерации, специалист по истории России XX в., Почётный работник Высшего образования Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, почётный доктор истории Абердинского университета (Шотландия), автор более 140 научных трудов (в том числе 20 монографий) объёмом 600 п. л., член Проблемного совета по истории революции РАН, член редколлегии журналов «Новый часовой», «Русское прошлое».

Весной 1945 г. миллионы людей во всем мире искренне верили, что после страшной войны впереди их ждут счастливые и спокойные мирные дни. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. 16 апреля 1945 г., за день до открытия Потсдамской конференции, США взорвали в пустыне Аламогардо первую в мире атомную бомбу. Ее мощность равнялась 20 тысячам тонн обычной взрывчатки. «Если она взорвется, – заявил Трумэн, занявший кресло президента США 12 апреля 1945 г., – у меня будет управа на этих парней». Он имел ввиду советских руководителей. С этого момента мир вступил в новую эпоху своего существования.

Потсдамская конференция проходила далеко не в атмосфере единодушия, как предшествующие совещания союзников по антигитлеровской коалиции. Было принято решение о демилитаризации, денацификации и демократизации Германии, ее полном разоружении. Центральное место занял вопрос о послевоенном устройстве Германии. Ее разделили на четыре оккупационных зоны и учредили четырехстороннее управление Берлином. Такую систему предполагалось сохранить до тех пор, пока союзники не договорятся о создании единого общегерманского государства и не заключат с ним мирного договора.

Первые разногласия возникли по вопросу о возмещении ущерба, причиненного германской агрессией. СССР полагались репарации на сумму 10 млрд долларов из них 7,5 млрд из изъятых оборудования восточной зоны, в то время как основные предприятия находились в западной зоне Германии. Фактически они пытались не допустить СССР к военным и промышленным объектам Германии. Союзники отвергли предложение Сталина о создании советской базы на Босфоре, пересмотре конвенции о режиме черноморских проливов. Большая тройка договорилась об установлении польско-германской границы по линии Одер-Нейсе. Был решен вопрос о вступлении СССР в войну с Японией. Великие державы зафиксировали переход Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, Албании, а также Финляндии, части Германии и Австрии в сферу влияния Советского Союза.

В кулуарах конференции Трумэн сообщил Сталину «по секрету» о наличии у США «нового оружия» необычайной разрушительной силы. Сталин отреагировал на это спокойно, поскольку уже знал о «проекте Манхаттен». Однако после этого распорядился ускорить работы над собственной атомной бомбой. Атомная монополия США сказала на советской внешней и внутренней политике первых послевоенных лет. Теперь на международной арене сложилось новое соотношение сил. Особый статус приобрели две державы США и СССР. Их военные союзники были истощены войной и временно утратили политическое влияние в мире.

Меньше всего пострадали США. Это позволило им не только создать, но и нарастить военно-промышленный комплекс. Потери США в войне составили менее 400 тысяч человек. ВПК производил военной продукции больше СССР, Германии и Великобритании вместе взятые. В 1945 г. США обладали самым мощным в мире флотом и самой сильной бомбардировочной авиацией. Эти обстоятельства реально превращали США в первую сверхдержаву в мире.

За годы войны неизмеримо выросли международный авторитет и роль СССР на мировой арене. Война с фашизмом снискали ему уважение народов всего мира. Принципиально новым явлением стал взлет военного могущества СССР. Он располагал самой мощной армией в мире. Страна фактически вернулась к границам Российской империи. Это позволило СССР приобрести статус ведущей мировой державы.

В то же время экономическое положение страны было сильно подорвано. Уровень жизни снизился до критической черты. США превосходили СССР по выпуску промышленной продукции в 5 раз. Атомная монополия стала символом американской мощи, и это сыграло решающую роль в переходе США от союзнических отношений к политике противостояния и вражды. После войны противостояние США и СССР получило новый импульс. В 1947 г. американский журналист Уолтер Липпман окрестил это военно-политическое напряжение «холодной войной». Каждая страна стремилась добиться своих целей на международной арене путем прямого нажима и силы, не считаясь с законными интересами другой стороны.

В последний год войны отношения союзников стали осложняться. Их цели и интересы все больше расходились. Слишком различным было устройство двух общественных систем. Сталин рассчитывал установить новый геополитический баланс, возникший благодаря присутствию Красной Армии в Европе. Черчилль опасался, что Сталин захочет проглотить Центральную Европу и предлагал американцам объединиться и противостоять этому. Опубликованные документы говорят, что союзники вовсе не собирались церемониться со своими собратьями по оружию. План военных действий под названием «Операция невероятное» был подготов-

лен по приказу У. Черчилля через несколько дней после окончания войны. Основанием для этого были данные британской разведки, что Красная Армия якобы собирается напасть на Турцию, Грецию и Норвегию. Согласно этому плану, 47 британских и американских дивизий должны были внезапно напасть на СССР, кроме них планировалось использование до 100 тысяч немецких солдат. Сталин же не исключал возможности дойти до Парижа, а МИД, по словам Молотова, свою задачу видело в расширении границ нашего Отечества. Сталин не стремился к новой конфронтации с Западом, он лишь хотел закрепить территориальные приобретения и установить в Восточной Европе свою зону влияния. Факт появления у США атомного оружия не привел к коренному пересмотру советской внешней политики, но сделал ее более жесткой.

Не последнюю роль в развязывании холодной войны сыграл президент США Гарри Трумэн. Первый послевоенный год был отмечен нарастающим противоборством США и СССР. Поворотным пунктом в отношениях СССР и США стала речь отставного английского премьера У. Черчилля в американском городе Фултоне в марте 1946 г. Черчилль призвал весь англоязычный мир объединиться и показать «русским силу». Сталин расценил речь Черчилля как опасный акт, своего рода ультиматум. Ядерное оружие становилось мощным средством давления. наших бывших союзников все больше раздражало усиление советских позиций в Иране и на Балканах. Весной 1947 г. прохладные отношения СССР и США переросли в открытый конфликт. Послевоенная разруха в Европе еще не была преодолена. Миллионы людей голодали, не имели работу. Опасаясь распространения коммунизма на страны Западной Европы, США выдвигает идею экономической помощи Западной Европе. 12 марта 1947 г. Трумэн произнес в Конгрессе США речь, вошедшую в историю как «доктрина Трумэна». Он заявил, что США готовы поддерживать правительства, желающие противостоять советской угрозе. Главным инструментом стал пресловутый «план Маршалла», названный по имени Госсекретаря США Маршалла. Условия плана Маршалла оказались неприемлемыми для СССР. Под давлением Сталина Венгрия, Болгария, Албания, Румыния, Югославия, Польша и Финляндия вынуждены были отказаться от американской помощи.

США потратили 12,4 млрд долларов на стабилизацию ситуации в Европе. В апреле 1949 г. в Вашингтоне был подписан Североатлантический договор, оформивший блок НАТО. В него вошло 12 государств. В ответ на эти действия СССР воссоздал Информационное бюро коммунистических партий (Коминформ). Отказавшись от установления социалистического строя мирным путем, СССР взял курс на форсирование революционного процесса. Коммунистические и просоветские режимы устанавливаются в Польше, Румынии, Венгрии и Чехословакии. В 1949 г. победой коммунистов заканчивается борьба за власть в Китае, которому СССР предоставил огромную помощь на сумму 15 млрд рублей. Так была заложена основа для создания социалистического лагеря. Еще в 1949 г. учреждается Совет Экономической взаимопомощи. Тогда же в этих странах начинается чистка и преследование политических лидеров, позиции которых расходились с линией Сталина. В 1948 г. именно на этой почве возникает советско-югославский конфликт.

В 1948 г. мир оказался на грани Третьей мировой войны. Летом в Лондоне западные страны принимают решение о строительстве сильного западногерманского государства. Для этого они объединяют три оккупационных зоны и образуют «Тризонию». Сталин рассчитывал, что решения Ялтинской конференции о денацификации, демилитаризации и демократизации Германии позволят укрепить в ней просоветские силы. В ответ на введение западногерманской марки проводится денежная реформа в Большом Берлине. По «техническим причинам» перекрываются наземные пути сообщения, связывающие Берлин с западной зоной. В ответ на это западные державы создают «воздушный мост», по которому идет снабжение Западного Берлина в течение года. Однако помешать основанию западногерманского государства не удалось.

– 29 сентября 1949 г. было официально объявлено об образовании ФРГ, в октябре 1949 г. создается ГДР.

Летом 1950 года холодная война снова чуть не переросла в «горячую». На этот раз местом столкновения стал Дальний Восток. После ухода из Кореи оккупационных войск на власть там претендуют прокоммунистический режим Ким Ир Сена и диктаторский Ли Сын Манна, поддерживаемый американцами. Весной 1950 г. Сталин поддержал план Ким Ир Сена вторжения на юг. Северная Корея получает большую партию советского оружия. 25 июня северокорейские войска пересекают 38 параллель и распространяют свой контроль. Южная Корея обращается в Совет безопасности ООН за помощью, США вмешались в конфликт. В сентябре 1950 г. войска 15 стран высадились под флагом ООН в тылу армии КНДР. На стороне Северной Кореи выступили войска Китая. В небе развернулась борьба американских летчиков и советских, прибывших в КНДР по просьбе Мао Цзе Дуна. Советская авиация сбила в воздушных боях 569 американских самолетов и потеряла 63. Война шла с переменным успехом. Американский командующий Дуглас Макартур принял решение напасть на Китай, предварительно подвергнув его атомной бомбардировке. Однако Трумэн не хотел воевать ни с Китаем, ни с СССР. Сталин также не хотел эскалации конфликта, и 9 июля 1951 г. было подписано перемирие на основе статус-кво. С этого времени Запад стал считать любую победу коммунистического движения своим поражением.

Корейская война имела тяжелые последствия для СССР и США. Она явилась отправной точкой новой гонки вооружения. США начали размещать свои войска на территории стран Западной Европы. В конце 1953 г. там появилось тактическое оружие. Милитаризация СССР и США доходит до невиданных размеров. Ставка на силу становится главным инструментом внешней политики СССР и США. Представление о СССР как о могучей военной державе подвигает сталинское руководство на изменение глобальной стратегии: не поиск союза с Западом, а борьба за мировое господство, стремление «похоронить капитализм».

В СССР форсируются работы над созданием собственной атомной бомбы, идет стремительное перевооружение армии и флота на новом техническом уровне. В первую очередь внимание было сконцентрировано на создании ядерного и термоядерного оружия, а впоследствии на средствах доставки. Несмотря на окончание войны, экономика СССР продолжала милитаризоваться. В массовом количестве создавались НИИ, конструкторские бюро, где ученые оказывались на положении заключенных. Принудительный труд стал главным источником мобилизации рабочей силы. ВПК становится властной и социально-экономической структурой. Американские эксперты считали, что для создания собственного атомного оружия СССР потребуется от 8 до 20 лет.

26 августа 1949 г. на Семипалатинском полигоне успешно прошло испытание отечественного ядерного устройства. В 1950 г. началось серийное производство атомных бомб. В это время советские ученые разработали и реализовали проект создания термоядерной бомбы. Ее «отцом» стал А. Д. Сахаров. 12 августа 1953 г. успешно прошли ее испытания. Так СССР становится лидером ядерной гонки. В эти годы разрабатываются средства доставки – сначала ракета Р-5, а затем баллистическая Р-7. В процессе реализации Уранового проекта в СССР была создана новая отрасль народного хозяйства – атомная промышленность, атомное машиностроение. Возникают новые центры и новые города, например Арзамас-16, с общим числом 1,5 млн жителей.

Минувшая война была самой тяжелой и кровопролитной. Страна понесла большие людские и материальные потери. На долю СССР пришлось от трети до половины всех потерь: смерть настигла 26,6 млн человек. Из них на фронтах погибло 11,9 млн человек (у Германии и ее союзников – 6,7 млн человек). После войны домой не вернулось 20 млн мужчин. Было разрушено 1710 городов и рабочих поселков, свыше 70 тыс. сел и деревень. Разрушены города: Ленинград, Сталинград, Воронеж, Курск, Харьков, Днепрпетровск. Чрезвычайная государ-

ственная комиссия оценила ущерб СССР в 2569 млрд довоенных рублей. Наибольший ущерб был нанесен химической, текстильной и пищевой промышленности. Земли Прибалтики, Украины, Белоруссии, Молдавии были изрыты рвами, засыпаны осколками мин, бомб, снарядов. Оставалось немало минных полей. Посевные площади СССР сократились на 36,8 млн га, т. е. почти на треть. Были разграблены и уничтожены памятники культуры, картинные галереи, астрономические обсерватории в Пулкове и Крыму, социальные объекты – больницы, школы и т. п.

Переход от войны к миру потребовал перестройки всей жизни страны, отмены режима военного времени. Прежде всего нужно было демобилизовать армию, которая насчитывала к концу войны 11,3 млн человек. 23 июня 1945 г. началась демобилизация старших возрастов. Их встреча на Родине превратилось во всенародное торжество. Одновременно начался процесс возвращения угнанных в Германию. В результате вернулось 5,6 млн человек, кроме этого, 4,5 млн человек, находящихся в плену. Опасаясь репрессий, 451 тыс. советских граждан стали невозвращенцами.

Сталин считал, что репатрианты могут быть источником опасной для советского общества информации, поэтому возвращение шло через проверочно-фильтрационные лагеря. При этом большое число репатриантов подвергалось репрессиям. После войны изменилась структура, полномочия, формы и методы деятельности государственных органов. После упразднения ГКО все его функции были переданы Совнаркому СССР. Началась реорганизация наркоматов. На предприятиях был восстановлен 8-часовой рабочий день, отменены обязательные сверхурочные работы, восстанавливалась сеть библиотек, школ, клубов. Совнарком был преобразован в Совет Министров. Его председателем стал И. В. Сталин. Все наиболее важные вопросы МИД, Министерства внешней торговли, МГБ обязаны были решать лишь непосредственным согласованием в Политбюро ЦК ВКП(б).

Победа в войне большинством граждан СССР была воспринята как доказательство правильности советского строя. Сталин использовал эти настроения для укрепления системы. Им были отсечены возможные варианты развития страны. В плане четвертой пятилетки предполагалось восстановление довоенного уровня промышленности и сельского хозяйства, чтобы потом превзойти его в значительных масштабах.

Холодная война оказала значительное влияние на развитие советской промышленности. В первые послевоенные месяцы она активно перестраивалась на мирные рельсы. Ряд наркоматов сменил свои названия и профиль. Сталин действительно выступал за быстрый перевод экономики на мирные рельсы. К июню 1945 г. на выпуск мирной продукции было переведено более 500 промышленных предприятий. Конверсия была бы продолжена, но «Атомная дипломатия» США заставила СССР приостановить конверсию и направить львиную долю ресурсов на развитие военных технологий, создание атомного и ракетного вооружения.

В короткий срок вся страна превратилась в гигантскую строительную площадку. Восстановление народного хозяйства проходило крайне напряженно. Не хватало рабочих рук, сырья. В 1946 г. разразилась жестокая засуха. В стране начался голод. Хлебосдача позволила пополнить зерновые запасы и прокормить городское население, но обрекло на голод жителей деревни. В результате голода и болезней в стране погибло около 1 млн человек.

Основным источником восстановления явилась эксплуатация энтузиазма масс. Миллионы людей в принудительном порядке направлялись на строительство новых фабрик, заводов и электростанций. Кроме этого, население обязано было подписываться на государственные займы. Всего в стране было размещено 11 займов. Население тратило на покупку ценных бумаг в среднем 1–1,5 месячной зарплаты. По-прежнему основная тяжесть финансирования легла на сельское хозяйство. Как и в предвоенные годы крестьяне практически ничего не получали на трудодни, жили за счет личного подсобного хозяйства. С 1946 г. власти облагают крестьян большими денежными налогами. В ответ на это крестьяне вырубая сады и уничтожают скот.

Глубокий кризис руководство страны пыталось ликвидировать путем усиления государственного контроля, укрупнения колхозов.

СССР вывез из Германии в качестве репараций передовые технологии и целые производства. Всего было вывезено более 5,5 тыс. трофейных промышленных предприятий различного профиля. Спецкомитет во главе с Г. М. Маленковым организовал вывоз трофейной документации и лабораторного оборудования. В СССР были вывезены тысячи немецких ученых и конструкторов, инженеров и техников, способных воспроизвести технологии производства реактивного вооружения.

Важную роль в послевоенном восстановлении сыграла денежная реформа 1947 г. Ее необходимость определялась полной разбалансированностью денежной системы в годы войны, поскольку резкий рост расходов требовал постоянного выпуска в обращение огромного количества денег, не обеспеченных потребительскими товарами. Денежная масса увеличилась в четыре раза. Покупательная способность денег упала. Старые деньги обменивались по курсу 10:1. Льготному обмену подлежали вклады в сберкассах. Результатом проведения денежной реформы явилось значительное снижение жизненного уровня основной массы населения.

В годы войны советская система обрела определенную завершенность, самодостаточность, способность противостоять попыткам ее изменить. Десятилетия чисток, страха, репрессий создали в стране атмосферу единомыслия и конформизма. Подавляющая часть взрослого населения СССР продолжала доверять сталинскому режиму, руководству страны, считая, что оно действует во имя народного блага. Распространение советской модели, обретение статуса сверхдержавы подтверждали правильность избранного пути. В этих условиях в стране не могло быть реальной организованной оппозиции режиму. После победоносной войны у Сталина не осталось не только политических соперников, но и оппонентов. Это не позволило Сталину трезво оценить новые глобальные и локальные вызовы советской системе и дать ответ. Правящая элита не смогла понять принципиальные изменения в послевоенном мире и в самой стране, увидеть скрытые симптомы нездоровья советской системы, противоречия во властных структурах и иных сферах общества.

Победа в войне породила в политическом руководстве СССР иллюзию о необыкновенной военной и экономической мощи страны. Борьба за мировое господство с опорой на «незападные» страны стала в конечном итоге главной причиной поражения России в холодной войне. Ошибочное понимание Сталиным планетарной геополитической обстановки отрицательно повлияло на внутреннюю политику СССР. Курс на конфронтацию с Западом оказался губительным для советской экономики. Окончание войны стало отправной точкой тотальной милитаризации страны. Ставка на сильное государство, понимаемое как совокупность чиновников, руководимых мудрым вождем, оказалась ошибочной.

В конце Второй мировой войны советские спецслужбы (Первое управление НКГБ, Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии, Разведывательное управление Военно-Морского Флота) значительно усилили свои позиции в странах – союзниках СССР и ряде нейтральных государств Европы и Америки. Вместе с тем следует отметить, что советские разведывательные службы на территории Германии и ее союзников, созданные в предвоенный период резидентуры и агентурные сети были в 1941–1943 гг. либо разгромлены, либо существенно ослаблены. Одновременно структуры Первого управления НКГБ, ГРУ ГШ и РУ ВМФ, действовавшие в США, Великобритании и Швеции, в годы войны не понесли серьезных потерь, но, напротив, значительно расширили свои возможности. Советской разведкой были восстановлены и вновь созданы легальные и нелегальные резидентуры в Канаде, Алжире, ЮАР, Уругвае, Колумбии, Мексике, Финляндии. Значительный объем разведывательной информации поступал в Москву по каналам контрразведывательных служб – Второго управления НКВД и армейской СМЕРШ, в 1944–1953 гг. располагавшими весьма разветвленными аппаратами и агентурными сетями на территории стран, оккупированных

Красной армией. Кроме этого, информация поступала от разведывательных отделов Пограничных войск, находившихся в составе НКВД (МВД), имевших собственную агентуру в приграничных районах сопредельных государств. Продолжался сбор информации по партийной линии, после ликвидации летом 1943 г. специальных подразделений Коминтерна их место заняли созданные в 1943–1944 гг. НИИ-100 и 205, телеграфное агентство «Супресс» и Отдел международной информации ЦК ВКП (б), впоследствии Отдел внешней политики ЦК. Сбором информации различного рода – политической, научно-технической, военной, экономической – должны были заниматься все советские специалисты, независимо от того являлись они сотрудниками разведывательных служб или нет. Всего за период с 22 июня 1941 г. по начало ноября 1944 г. «работниками Первого (Разведывательного) Управления НКВД было выведено за кордон на нелегальную работу 566 человек, завербовано агентов-осведомителей 1240 человек». Американские исследователи Джон Хейнз и Харви Клер на основании данных шифротелеграмм и радиোগрам Первого управления НКГБ, дешифрованных в ходе проекта «Венона», сообщали: работало более 100 офицеров-оперативников, контролирующих примерно 435 агентов и источников, из которых на советскую разведку работали такие ценные источники, как Харри Декстер Уайт – помощник министра финансов США, старший помощник президента Рузвельта Локлин Керри, директор Отдела по специальным политическим вопросам Государственного департамента США Олджер Хисс, служащий министерства финансов США Нэтан Грегори Сильвемастер и многие другие. Проектом «Венона» называлась специальная программа, осуществляемая разведывательной службой Корпуса связи армии США с 1 февраля 1943 г. по 1 октября 1980 г., направленная на дешифровку перехваченных шифротелеграмм и радиোগрам, отправленных и полученных дипломатическими представительствами и другими советскими учреждениями, находившимися в период войны в США.

Серьезные позиции советских спецслужб были в Великобритании. Здесь помимо нелегальной резидентуры активно работали Советская военная миссия, Комиссия по репатриации советских граждан, Советская группа делегации ООН в Соединенном Королевстве. Число офицеров-оперативников, действовавших под официальным прикрытием этих учреждений, было значительным. Так, в начале 1950-х годов в ней успешно работали известные советские разведчики и агенты Урсула Кучинская (Соня), ее брат Юрген и муж Лен Бертон, Карл Фукс, Аллан Мэй, Лео Лонг. ГРУ ГШ и Первое Управление НКВД располагали широкими сетями в США и Великобритании, в которых кроме довоенной агентуры использовались агенты, завербованные среди военнопленных в годы войны. Результаты деятельности резидентур и агентурных сетей, воссозданных на территории Германии и Австрии, приобрели особое значение в конце 1940-х годов в связи с созданием Североатлантического союза, Федеративной Республики Германии и новых германских вооруженных сил – Бундесвера.

Весьма активно действовали советские разведывательные службы во Франции. В августе 1943 г. в Алжир был направлен опытный советский разведчик И. И. Агаянц. Официально он значился главой советской Комиссии по репатриации. Одновременно он стал неофициальным представителем правительства СССР при Французском комитете национального освобождения. 10 сентября 1944 г. в освобожденный Париж прибыл первый легальный резидент Первого управления НКВД А. А. Гузовский, восстановивший связь с парижской агентурной сетью и начавший ее реорганизацию в соответствии с предварительным планом по развертыванию разведывательной работы во Франции. Необходимость в реорганизации агентурных сетей Первого управления НКВД во Франции была вызвана притоком в них в годы войны новых источников, завербованных без санкции Москвы, снижением качества добываемой ими информации и тесным переплетением работы этих подпольных групп с деятельностью легальных структур компартии Франции, создававшей реальную опасность политической компрометации Французской коммунистической партии.

Советская разведка в эти годы получала достаточный объем необходимой СССР политической, экономической, военной и научно-технической информации. По свидетельству бывших офицеров Первого Управления НКВД В. и Е. Петровых, «...отдел Комитета информации, ответственный за операции на территории Франции, был просто завален фотокопиями оригиналов официальных французских документов».

Географическое положение Швеции и ее нейтралитет в годы Второй мировой войны превратили это государство в один из главных центров деятельности спецслужб, в том числе и советских разведок. Стокгольм стал очень удобной «точкой» для наблюдения всего, что происходило не только в Германии, Дании, Норвегии, Финляндии, Польше и Прибалтийских республиках, но и в Швейцарии, Венгрии, Югославии и ряде других стран. Это место для проведения тайных переговоров и специальных операций. Именно в Швеции в 1943–1944 гг. осуществлялись тайные встречи представителей СССР и Финляндии, приведшие к выходу последней из войны на стороне Германии; именно оттуда поступила ценная информация о попытках руководства нацистской Германии вступить в тайные переговоры с США и Великобританией о заключении сепаратного мира. Было получено немало важных сведений о политических процессах, протекающих в странах Скандинавии, об отношениях указанных стран с США и их союзниками. Большой блок экономической и научно-технической информации добывался советскими разведчиками в послевоенные годы.

Однако в это время советским спецслужбам пришлось столкнуться с целым рядом проблем. Наиболее серьезной из них стала резко усилившееся противодействие со стороны контрразведки США, Великобритании и других стран. Второй по значимости стала проблема безопасности коммуникаций, надежности используемых шифров и кодов. Третья была тесно связана со второй. Это была проблема перебежчиков – бывших офицеров и агентов Первого управления НКВД и ГРУ, по различным причинам порвавших со своими службами и предоставивших обширную информацию о направлениях деятельности советских разведок, их агентурных позициях в различных странах, особенностях их сотрудничества с местными коммунистическими партиями. Четвертой проблемой стала серия послевоенных реорганизаций советских спецслужб в 1947–1952 гг. Наконец, последней стала реорганизация правительственных структур США, которая заключалась в ликвидации ряда агентств военного времени. Так, ликвидированы были Управление стратегических служб, Управление военного производства, Управление военной информацией. Значительно были сокращены штаты важнейших ведомств: Государственного департамента, военного и морского министерств, министерство финансов. В результате множество американцев, снабжавших Первое управление, ГРУ и РУ ВМФ ценнейшей информацией, либо потеряли работу, либо были переведены на новые второстепенные должности. Не менее негативно сказались на численности офицеров-оперативников всех ветвей советской разведки и их агентурного аппарата ликвидация Советской закупочной комиссии, а также сокращение штатов других советских учреждений, работавших в США.

Активизация деятельности советских спецслужб и новые тенденции во внешней политике СССР на протяжении первых послевоенных лет были с тревогой отмечены в специальном докладе советника президента США Кларком М. Клиффордом, представленном президенту Гарри Трумэну в сентябре 1946 г. Масштабы деятельности советских разведок в США, Западной Германии и Австрии заставили администрацию Трумэна предпринять ряд срочных мер: главное контрразведывательное агентство США – ФБР резко усилило штаты своих подразделений в Вашингтоне и Нью-Йорке – основных центрах работы Первого управления, ГРУ и РУ ВМФ. В дополнение к существующей школе разведки и полиции в форте Райли Канзас была создана еще одна – в Баварии, в местечке Обераммергау. Была предпринята тотальная чистка армии и службы контрразведки и разведки от проникших туда членов компартии. В британской М16 создается специальный отдел IX, задачей которого стало изучение документов, отно-

сящихся к деятельности компартии Великобритании и советских учреждений в Англии накануне и в годы войны.

Обеспокоенность правительства США, Великобритании и Канады в связи с деятельностью советских разведок усилилась в начале 1946 г. в связи с появлением первой волны перебежчиков. Так, Элизабет Бентли была связной между несколькими группами агентов, служивших в различных федеральных учреждениях, руководством компартии США и резидентурой Первого управления НКВД в Нью-Йорке, например, между шифровальщиком резидентуры ГРУ в Оттаве И. Гузенко и бывшим подпольным функционером аппарата компартии США Уиттэкера Чемберза, который был агентом ГРУ. Бентли назвала ФБР имена 48 известных ей агентов и источников информации, работавших в различных федеральных учреждениях. Сведения Гузенко позволили разоблачить 16 офицеров – оперативников резидентуры ГРУ и около 20 работавших на них граждан Канады, среди которых были члены парламента и высокопоставленные служащие различных правительственных ведомств, а также известный британской физик-ядерщик Аллан Нанн Мэй и его канадский коллега Исраэл Холперинг. В результате расследования, проведенного ФБР и Канадской королевской конной полицией, был установлен «круг интересов» советской разведки. Главными из которых являлась информация об исследованиях в сфере разработки и производства ядерного оружия, новейших способах наведения, а также сведения о внешней политике США. В результате расследования резидентуры Первого управления и ГРУ оказались в весьма непростом положении. Глава НКГБ В. Н. Меркулов отдал распоряжение прекратить все контакты, предупредить всех агентов и немедленно отозвать в СССР всех офицеров-оперативников. Советским резидентам в Нью-Йорке и Вашингтоне было предписано незамедлительно «прекратить на 3–4 месяца все контакты со значительной частью важнейших агентов. В сущности, разоблачения И. Гузенко и Элизабет Бентли смогли на небольшое время парализовать работу важнейших советских резидентур.

Ранее, в 1944 г., в поле зрения ФБР оказался нелегал ГРУ Артур А. Адамс, который активно занимался сбором информации по созданию атомного оружия. Ему пришлось прервать контакты со своими источниками и в 1946 г. срочно выехать из США. Один из ведущих специалистов США лингвист и криптограф Мередит Гарднер сумел прочесть ряд телеграмм резидентуры Первого управления, содержащих список ученых-атомщиков. Это позволило ФБР не только выявить имена агентов, но и начать их судебное преследование. Значительный ущерб деятельности советской разведки нанесли в 1946–1953 гг. сами главные потребители получаемой информации – И. В. Сталин и В. М. Молотов, которые инициировали в 1947 г. кардинальную перестройку ведомств, отвечающих за указанную сферу. Стремление сконцентрировать получение и обработку информации в рамках одного ведомства, повысить оперативность ее поступления и усилить личный контроль за деятельностью разведки привело практически к полной замене руководства ПГУ. 30 сентября 1947 г. был создан Комитет Информации при Совете Министров СССР, который объединил выведенные из состава МГБ и военного министерства ПГУ и ГРУ. Первым главой КИ был назначен Молотов (впоследствии – А. Я. Вышинский, В. А. Зорин, Я. А. Малик), всей же практической работой руководил генерал-лейтенант П. В. Федотов. Представителями Комитета Информации на местах (главными резидентами) были назначены послы СССР, а их заместителями стали резиденты бывшего ПГУ и ГРУ. Одновременно было принято решение оставить в структуре МГБ и Военного министерства специальные службы разведки и диверсионной деятельности на случай локальных военных конфликтов или большой войны в Европе, на Балканах, Ближнем и Дальнем Востоке. Еще одним нововведением стало создание по инициативе министра МГБ В. С. Абакумова в рамках его ведомства специальных Бюро № 1 и 2. Задачами первого из них были подготовка и проведение диверсий на важных военно-стратегических объектах и коммуникациях на территории главных агрессивных государств – США и Англии, а также на территории других капиталистических стран, используемых главными агрессорами против СССР; проведение активных

действий (актов террора) в отношении наиболее активных и злобных врагов Советского Союза из числа деятелей капиталистических стран, особо опасных иностранных разведчиков, главнейших антисоветских эмигрантских организаций и изменников Родины. Через три года Бюро № 1 было преобразовано в 12-й спецотдел при Втором Главном (разведывательном) управлении МВД СССР. Задачей Спецбюро № 2 было выполнение специальных заданий внутри Советского Союза, проводимых отдельными лицами, по пресечению вражеской деятельности особыми способами, а также подбор, воспитание, обучение и тренировка работников и агентуры бюро. Вне рамок Комитета Информации, помимо специальных разведывательных подразделений, оставшихся в структурах МГБ и военного министерства, Бюро № 1 и 2, продолжали заниматься в 1947–1953 гг. сбором различного рода информации Главное управление Пограничных войск, НИИ- 100 и Отдел международной информации ЦК КПСС.

Так, попытка создать аналог ЦРУ не удалась, КИ не стал подлинным центром координации разведывательной деятельности, обработки и анализа всей поступающей в СССР разведывательной информации и не оправдал возлагавшихся на него надежд. Распыление сил и средств, разделение одних и тех же функций и задач между несколькими параллельно действующими ведомствами и учреждениями, раздел агентурного аппарата не могли не оказать негативного влияния на деятельность советских разведок в самых различных регионах мира. Поэтому неудивительно, что примерно через десять месяцев после создания Комитета информации Генеральному штабу удалось убедить Сталина в необходимости вернуть военную разведку вооруженным силам. После ухода военных разведчиков Комитет информации был «понижен в ранге» и стал, по сути дела, приложением Министерства иностранных дел. В конце 1951 г. Сталин принял решение о том, чтобы вся оперативная разведка была вновь сосредоточена в руках ГРУ и нового Первого Главного управления МГБ. Еще через два года были упразднены Бюро № 1 и 2.

Советские разведывательные службы сумели не только выжить, но и достаточно продуктивно работать. Одной из самых ярких страниц в послевоенный период стала серия операций по получению информации, необходимой для разработки и производства нового типа оружия – атомной бомбы. Первые сведения о начале работ по практическому созданию атомной бомбы были получены 10 августа 1941 г. в Лондоне резидентом ГРУ С. Д. Кремером (псевдоним «Барч») от Клауса Фукса. Фукс сообщил о проводимых под руководством Отто Фриша и Рудольфа Пайерлса в Бирмингеме исследований по получению изотопов урана. В декабре 1942 г. резидентура Первого управления НКВД получила детальный доклад об исследованиях, проводимых в Англии и США в рамках атомного проекта «Тьюб Эллойз». 10 марта 1942 г. Берией был сделан подробный доклад Сталину о состоянии работ по созданию ядерного оружия. К июлю следующего года в Москву было доставлено более 300 секретных отчетов по проблемам исследований в области атомной энергии. 11 февраля 1943 г. Сталин подписал Постановление об организации исследований и опытно-конструкторских работ по использованию ядерной энергии в военных целях. Одновременно было решено сделать получение информации по атомной проблематике приоритетной задачей Первого управления Наркомата государственной безопасности. Еще через год, в феврале 1944 г., функции координации работы всех отечественных спецслужб по атомной проблематике были возложены на группу «С» во главе с генерал-майором Судоплатовым, специально созданную в рамках НКГБ. Кроме координации усилий по сбору и обработке информации на это подразделение, преобразованное в отдел, были возложены функции реализации полученных данных внутри страны, т. е. незамедлительная передача их советским ученым-атомщикам.

Самыми «урожайными» с точки зрения объема информации и качества стали 1944–1945 гг. В этот период крупные ученые Клаус Фукс, Бруно Понтекорво, Теодор Холл, Сивил Секс, Кларенс Хаски, Израэль Холперин, Джон Чэпин оказали советским разведчикам огромную помощь в получении ценной информации. Необычайного успеха добилась советская рези-

дентура ГРУ, которая в 1945 г. от А. Н. Мея получила пробу урана-235 в Канаде. Заместитель резидента полковник П. С. Мотинов вез ампулу на себе, а затем всю жизнь страдал от лучевой болезни.

Уже через 12 дней после сборки первой атомной бомбы в Москву из Вашингтона и Нью-Йорка были доставлены схемы и описания ее устройства; осенью 1945 г. получены фотографии помещения завода в Оук Ридже и секретные части доклада администрации и конгрессу, не вошедшие в опубликованный текст доклада комиссии Смита, а кроме этого, информация об отдельных элементах конструкции бомбы и дневниковые записи о первом испытательном взрыве в Аламогордо, произведенном 16 июля. В целом по мнению советского научного и административно-технического руководства в лице И. В. Курчатова и А. П. Завенягина доля участия разведчиков в успешном осуществлении советского атомного проекта составляла не менее 50 %. Именно поэтому Сталин смог вовремя принять ряд важнейших политических решений, одним из которых стало создание Спецкомитета по проблеме № 1 о немедленном начале форсированных работ по разработке атомного оружия, а позже, в 1946 г., в него были внесены коррективы. Сталин знал содержание секретного доклада Ачесона – Лилиенталя, который сводился к попытке с помощью международного соглашения сохранить монополию США на обладание атомным оружием и ввести всеобъемлющий контроль за исследованиями в этой области, проводимые в других странах.

Кризис, сковавший деятельность советской разведки в США и Канаде, существенно снизил объем поступающей информации по разработке, производству и накоплению атомного оружия. Общий объем информации не стал меньше, изменились лишь ее характер и основные источники. Главное отличие заключалось в том, что теперь источники касались в основном не только исследований и опытно-конструкторских работ, необходимых для создания ядерного оружия, но и средств его доставки, мест размещения и складирования, планов использования, деталей финансирования, ядерных программ США и Великобритании, а позже, начиная с 1949 г., планов создания ядерных сил НАТО, размещения их на территории Германии. Информация к концу войны поступала из Швеции, Дании, Болгарии, Чехословакии. Германии и ряда других стран.

Наиболее ценная часть поступала из Великобритании: самыми продуктивными агентами стали Клаус Фукс, Милита Норвуд, Дональд Маклейн и Джон Кернкросс. Главный центр ядерных исследований в Великобритании был в Харуэлл. Офицером КИ, контролирующим Фукса, был А. С. Феклисов. Уникальной информацией снабжал в то время первый секретарь британского посольства в Вашингтоне Маклейн. Он имел постоянный доступ в Комиссию по атомной энергии США. Кернкросс служил в министерстве финансов и сумел раздобыть весьма ценные сведения, позволившие советскому политическому руководству иметь точное представление о финансировании британской ядерной программы. Самой важной была информация о ядерном потенциале США и Великобритании – числе атомных бомб, готовых к применению в случае военного конфликта, средствах их доставки, дислокации соединений американской стратегической авиации. Эта информация позволила Сталину принять решение о начале блокады Берлина, что способствовало отвлечению внимания США от событий в Китае и победе коммунистов в гражданской войне. Оценивая деятельность советской разведки в сфере атомного шпионажа нельзя не прийти к выводу, что ее деятельность существенно ускорила осуществление отечественной ядерной программы. Информация о британских и американских ядерных проектах побудила Сталина принять решение начать подобные исследования в СССР. Она позволила советским ученым атомщикам в предельно короткие сроки создать атомную, а затем водородную бомбу. Достаточно точные сведения о ядерном потенциале и военно-политических планах США и Великобритании предоставили возможность Советскому Союзу трезво оценить соотношение сил и добиться решения многих военных и политических задач, стоявших перед СССР.

Получение информации политического характера всегда являлась одной из приоритетных задач советских спецслужб. Этому направлению придавалось не меньшее значение, чем атомному шпионажу. Сведения о планах послевоенного устройства разрабатывались Министерством иностранных дел и находились в фокусе деятельности советской разведки. Информационная подготовка к работе Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций велась самым тщательным образом: сведения о намерениях и планах делегаций США и Великобритании собирались, перепроверялись и корректировались в ходе самих конференций. Сведения, собранные советскими агентами, поступали из первых рук – кругов политической элиты США и Великобритании. Значительный объем информации поступал в Москву по спорным вопросам межсоюзнических отношений, таким как политика трех держав в отношении побежденной Германии, восстановление Польши и изменение ее послевоенных границ; отношение к Югославии. Другой причиной стал рост противодействия операциям советской разведки со стороны американских, британских, французских и других контрразведывательных служб. Сказывалось существенное сужение возможностей вербовки новой агентуры, отказ ряда старых источников возобновить контакты, обусловленный как страхом разоблачения, так и разочарованием многих людей в коммунистических идеалах, во внешней и внутренней политике СССР. Влияние этих факторов усиливалось ростом интереса советского руководства к европейскому «театру действий», что привело к новому этапу в деятельности советских спецслужб. Во второй половине 1940-х годов советское руководство столкнулось с угрозой возможного информационного голода. Весной 1947 г. отдел внешней политики ЦК ВКП(б) вынужден был получать необходимые ему сведения о процессах внутривнутриполитической жизни США преимущественно из противоречивых сообщений советских дипломатов из Вашингтона, из материалов американской прессы таких сомнительных источников, как руководство компартии США. Информация о различных аспектах американской политики, поступающая из Западной Европы, приобрела важное значение. Политическому руководству Советского Союза периодически не хватало достоверной разведывательной информации для принятия серьезных политических решений.

Уже в годы войны в ЦК ВКП(б) и центральные газеты поступали многочисленные предложения по реформированию советской экономической и политической системы. Однако сталинское руководство не было готово к проведению реформ. Неверная оценка геополитической ситуации в мире стала причиной принятия неадекватных мер при решении конкретных задач, а также причиной возврата к механизму репрессий. В 1948 г. Постановлением Совета Министров СССР на спецпоселение было направлено свыше 33 тысяч человек и 13 тысяч членов их семей.

Другой проблемой в послевоенные годы стало массовое знакомство с западным образом жизни. Эти впечатления заставили иными глазами посмотреть на советскую действительность. Однако критические высказывания не носили массовый характер и ограничивались лишь «разговорами на кухне» (подслушанными МГБ) о необходимости иметь настоящую демократию, распустить колхозы и т. п. Такие настроения проникали и в армию. Так, генералы Кулик, Гордов, Рыбальченко были расстреляны в августе 1950 г. как «буржуазные перерожденцы».

Наиболее радикальные настроения были зафиксированы в молодежной среде. В 1947 г. школьники и студенты Воронежа создали нелегальную Коммунистическую партию молодежи. Аналогичные группы создавались в Москве и других городах.

В Гулаг угодили и бывшие военнопленные, прошедшие фильтрационные лагеря: из общего числа 1 млн 95 тыс. в лагеря угодило 900 тыс. человек. Репрессиями и ужесточением политического режима власти пытались пресечь создание возможной оппозиции. Физическое старение и болезнь Сталина явились также одной из причин их нового витка. Недоверие к военным в послевоенный период выросло многократно. Сбор компрометирующих материалов начался на многих военачальников, включая и маршала Жукова. Он был снят с поста Главно-

командующего сухопутными войсками и назначен командующим Одесским военным округом. В начале 1946 г. были арестованы Главный маршал авиации А. А. Новиков и командующий 12-й армией С. А. Худяков.

В послевоенные годы Сталин утрачивает доверие к органам государственной безопасности. Берия и Маленков были временно отстранены от высоких постов, и Сталин пытается создать собственную «партбезопасность». Меняется конфигурация власти А. А. Жданов получает высокие полномочия, фактически равные сталинским. Политическое руководство страны пополняется Н. А. Вознесенским, а новым куратором органов госбезопасности становится А. А. Кузнецов. Возникает две соперничающие группировки: Жданова и Кузнецова, с одной стороны, и Маленкова и Берия – с другой. Сталин умело манипулировал и теми и другими. Это создавало в стране обстановку напряженности и нестабильности.

15 июля 1947 г. создается комиссия ЦК ВКП(б) во главе с А. А. Ждановым для подготовки новой Программы ВКП(б). Сталин отсекает как нереальные задачи «догнать и перегнать развитые капиталистические страны». В этом проекте нашли свое отражение многие лозунги, озвученные в период «оттепели». Тогда же Госпланом был подготовлен проект Генерального народнохозяйственного плана СССР на 1946–1965 гг., выполнение которого должно было стать рубежом вступления в коммунистическую фазу развития государства и общества. Однако все планы и проекты были сданы в архив и не стали достоянием общественности. Главной причиной явился окончательный перелом в 1947 г. в отношениях с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции.

Сталин отдавал себе отчет, что крепость системы зависит от веры в непогрешимость марксистско-ленинских идей. После войны он специально консервирует созданную систему, очень скоро были ликвидированы все послабления, на которые пошла власть в годы войны, начались массовые идеологические проработки. По инициативе А. А. Жданова начинается массированная кампания по насаждению в обществе образа врага. Свою лепту в кампанию против инакомыслия вносят Берия и Маленков, используя ленинградскую тему в борьбе за власть. С инициированного ими постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» начинается подавление инакомыслия и интеллектуальной свободы, В постановлении давалась резкая негативная оценка творчеству Зощенко и Ахматовой. Их обвиняли в безыдейности, беспринципности, формализме и низкопоклонстве перед буржуазной культурой. Постановление ЦК в обязательном порядке изучали и одобряли на партийных собраниях на заводах, фабриках, в школах и колхозах. Это был первый шаг к изменению общественного климата. Вскоре выходят постановления ЦК о кино, театральном творчестве и музыке.

Новые оттенки начались после того, как профессора Ключева и Роскин направили рукопись по проблемам лечения рака для публикации в США. Академик В. Ларин, передавший рукопись американцам, был обвинен в шпионаже и приговорен к 25 годам заключения. По всей стране прокатилась кампания борьбы с космополитизмом. С лета 1947 г. принимаются жесткие меры по предотвращению публикаций, якобы составляющих государственную тайну. Начинается глушение заграничных радиостанций и запрещаются браки с иностранцами. В министерствах и ведомствах вводятся суды чести для воспитания патриотизма и преданности интересам Советского государства. Суды чести были избраны в 62 министерствах и ведомствах, включая аппарат ЦК ВКП(б). Однако это не прижилось, и Сталин уже в 1948 г. утратил к ним интерес.

В это же время все направления культуры находятся под пристальным вниманием и контролем цензуры. Сталин лично определяет лауреатов Сталинских премий, непосредственно организует философскую дискуссию, разгром генетики, редактирует доклады по этим вопросам Жданова и Лысенко, пишет руководящие материалы по политической экономии и языкознанию.

Вслед за разгромом биологии в декабре 1948 г. проходит конференция по астрономии, разгром реакционного эйнштейнизма. Ведущие физики пытались отстаивать науку от идео-

логического разгрома. Борьба с космополитизмом началась в театральной критике, а затем перекинулась на писателей, композиторов, архитекторов и актеров. В 1949 г. происходит ужесточение карательной политики послевоенного сталинизма, начинается новый виток репрессий. Волна арестов грозила вновь захлестнуть страну. Однако полного повторения сценария 1937 г. не получилось. Чистки могли серьезно дестабилизировать страну, и поэтому они носили точечный характер. Наиболее известным из них было «Ленинградское дело». Вернее, это была целая серия дел, сфабрикованных МГБ против видных партийных, советских и хозяйственных работников Ленинграда. По разным оценкам, было арестовано от 2 до 10 тыс. человек. Главными фигурантами этого дела были председатель Госплана Н. А. Вознесенский, начальник Управления кадров ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецов. Одно время они фигурировали как приемники Сталина. Одной из главных побудительных причин стало и то, что новые выдвиженцы оттесняли от власти старые кадры. Внезапная смерть Жданова в конце августа 1948 г. привела к усилению позиций Берии и Маленкова.

Формальным поводом для «Ленинградского дела» стало проведение без разрешения Совета Министров СССР Всероссийской оптовой ярмарки по реализации остатков залежавшихся товаров в январе 1949 г. К этому добавилось обвинение в фальсификации результатов голосования во время городской партийной отчетно-выборной конференции. Аресты начались в конце июня 1949 г. Сначала был арестован по обвинению в связях с английской разведкой второй секретарь Ленинградского горкома партии Я. Ф. Капустин, а затем в кабинете Маленкова были арестованы по обвинению в измене Родине и ведению вредительско-подрывной деятельности в партии А. А. Кузнецов, первый секретарь Ленинградского горкома и обкома партии П. С. Попков, председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов. Министр Государственной безопасности В. С. Абакумов уже в начале сентября 1950 г. представил Сталину записку с предложением о расстреле шести человек.

В ходе следствия, в котором непосредственное участие принимал Г. М. Маленков, арестованных заставили «признаться» в преступлениях, которых они никогда не совершали. В сентябре 1950 г. состоялся судебный процесс. Как и предлагалось, шестеро были приговорены к расстрелу, остальные – к разным срокам тюремного заключения. Впоследствии по приговорам суда были приговорены к расстрелу и длительным срокам заключения свыше 200 партийных и советских работников Ленинграда.

Ленинградское дело изменило расстановку в политическом руководстве СССР. Был заменен руководитель Московской партийной организации Г. Попов, Молотов был освобожден от поста Министра иностранных дел. Вслед за Ленинградским последовали московское, менгрельское, эстонское дела. По обвинению в шпионаже и злоупотреблении служебным положением были арестованы даже секретарь Сталина А. Н. Поскребышев, начальник личной охраны Н. С. Власик и еще несколько человек.

Одной из последних преступных акций Сталинского политического руководства стала фальсификация дела врачей. По этому делу было арестовано 37 человек. Они под пытками дали показания о существовании «террористической группы», связанной с международной террористической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой. Лишь смерть Сталина помешала довести дело врачей до трагической развязки.

В 1948 г. в системе Гулага создаются 15 новых лагерей особого назначения. На 1 января 1949 г. в системе МВД насчитывалось 67 ИТЛ, несколько десятков тысяч лагерных отделений и лагпунктов, 1734 колонии, в которых содержалось 2,4 млн заключенных, из них 2 млн трудоспособных. МВД монополизировало добычу алмазов, асбеста и апатитов, резко активизируется добыча цветных металлов. МВД выпустило продукции почти на 20 млрд рублей. Валовая продукция промышленности МВД составила более 10 % общего выпуска продукции в стране.

С начала 50-х годов обозначился кризис лагерной экономики. Она не располагала грамотными кадрами, заинтересованными в результатах своего труда, и в итоге стала убыточной,

принося государству материальный ущерб. Лагерная экономика сформировала у миллионов граждан устойчивое отвращение к труду. Служащие в системе Гулага считали вполне естественным жить за счет эксплуатации своих граждан, превращенных в рабочий скот.

Нарастающая напряженность в стране разрешилась неожиданной смертью Сталина 5 марта 1953 г. на подмосковной даче. Внезапный инсульт произошел тогда, когда его лечащие врачи находились под арестом. Существует версия о причастности к смерти сталинских соратников, она до сих пор не опровергнута историками. Со смертью Сталина страна снова оказалась на перепутье.

В. С. Белых

Сталин, Трумэн, Черчилль в период холодной войны

БЕЛЫХ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Института права и предпринимательства УрГЮУ, заведующий кафедрой предпринимательского права УрГЮУ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Почетный адвокат России, судья Третейского суда при ТПП РФ, арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ, арбитр Третейского суда при Торговой палате и Аграрной палате Чешской Республики. Является экспертом Конституционного Суда РФ, Комитета по конституционному законодательству Совета Федерации РФ.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Иосиф Виссарионович Сталин (настоящая фамилия – Джугашвили, 6 (18) декабря 1878 г. (по официальной версии 9 (21) декабря 1879 г.), Гори, Тифлисская губерния, Российская империя – 5 марта 1953 г., Волынское, Кунцевский район, Московская область, РСФСР, СССР)

– российский революционер, советский политический, государственный, военный и партийный деятель. С конца 20-х – начала 30-х годов до своей смерти в 1953 г. Сталин единолично руководил Советским государством. Герой Социалистического Труда (1939), Герой Советского Союза (1945), Маршал Советского Союза (1943), Генералиссимус Советского Союза (1945). Краткая биография Сталина издана в 1950 г. и содержит интересный материал о вожде.

Гарри Эс Трумэн (англ. *Harry S. Truman*, его второе имя было просто инициалом «S», данным в честь имен дедов – по отцу Андерсона Шиппа (Shipp) Трумэна и по матери Соломона Янга; 8 мая 1884 г., Ламар, штат Миссури – 26 декабря 1972 г., Канзас-Сити, шт. Миссури) – государственный деятель США, 33-й Президент США (1945–1953) от Демократической партии. Для информации: в 1945 г. 33-й Президент США Гарри Трумэн был возведен в высший градус масонства (Державный великий генеральный инспектор) и стал почетным членом Верховного совета юрисдикции в Вашингтоне. Он был посвящен в масонской ложе «Белтон» 9 февраля 1909 г.

Сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль (англ. *Sir Winston Leonard Spencer-Churchill*, 30 ноября 1874 г. – 24 января 1965 г., Бленхеймский дворец, Великобритания, Лондон) – британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании (1940–1945 и 1951–1955), военный (полковник), журналист, писатель, почетный член Британской академии (1952), лауреат Нобелевской премии по литературе (1953). По данным опроса, проведенного корпорацией Би-Би-Си в 2002 г., Сэр Уинстон Черчилль был назван величайшим британцем в истории страны.

Богатая на события жизнь каждого из названных персонажей заслуживает повышенного внимания и является, безусловно, предметом глубокого и всестороннего исследования, что в полной мере подтверждается многочисленными публикациями. Однако в рамках настоящей статьи мы ограничимся сферой их взаимоотношений в период так называемой холодной войны.

Считается, что в историческом плане точкой отсчета холодной войны между Западом и СССР является 5 марта 1946 г., когда в Вестминстерском колледже в Фултоне (штат Миссури, США) Черчилль произнес ставшую знаменитой фултонскую речь. Выступая как частное лицо, Черчилль заявил, что отношения СССР, с одной стороны, и США и Великобритании – с другой, должны строиться на военном превосходстве стран, говорящих на английском языке. Черчилль, прежде всего, решил укреплять отношения с США, так как они обладали монополией на ядерное оружие. «Соединенные Штаты находятся в настоящее время на вершине всемирной мощи». Это заявление обострило противостояние между СССР и Западом.

Сэр Уинстон Черчилль известен не только как один из авторов холодной войны. Он вместе с Гарри Трумэном был последовательным сторонником создания военного блока НАТО. Два мировых лидера предлагали сделать это для того, чтобы остановить экспансию Советского Союза в Европе.

Как известно, 4 апреля 1949 г. США, Канада и ряд европейских стран подписали договор о создании нового военного альянса. В 1952 г. в блок вступили Греция и Турция (первое расширение НАТО) для того, чтобы спасти их от «международного коммунизма». Западная Германия стала членом НАТО в 1955 г. («Второе расширение НАТО»). В 1982 г. к НАТО присоединилась Испания («Третье расширение НАТО»). После окончания холодной войны в 1999 г. в НАТО вошли Венгрия, Польша и Чехия («Четвертое расширение НАТО»), в 2004 г. – Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Эстония («Пятое расширение НАТО»), в

2009 г. – Хорватия и Албания («Шестое расширение НАТО»). На пороге вступления в НАТО Грузия и Украина, хотя их членство – очень непростой и далекий сценарий.

Для информации: 13 марта 1946 г. И. В. Сталин прокомментировал в интервью «Правде» Фултонскую речь Черчилля: «По сути дела, г-н Черчилль стоит на позиции поджигателей войны. И г-н Черчилль здесь не одинок – у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки». История взаимоотношений СССР и США – яркое тому свидетельство. Действительно, еще мир не пришел в себя от массовых разрушений и человеческих жертв Второй мировой войны, а Соединенные Штаты уже вынашивали план ядерного уничтожения союзника по антигитлеровской коалиции.

США – это единственная страна, которая применяла ядерное оружие. В августе 1945 г. Трумэн был инициатором атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки с целью ускорить капитуляцию Японии в рамках тихоокеанского театра военных действий Второй мировой войны. В итоге – общее количество погибших составило от 90 до 166 тыс. человек в Хиросиме и от 60 до 80 тыс. человек – в Нагасаки. Япония объявила о своей капитуляции. В течение года после окончания бомбардировки в Хиросиме был расположен контингент американских войск численностью 40 тыс. человек, в Нагасаки – 27 тыс. человек.

Однако некоторые исследователи справедливо отмечали, что основная цель атомных бомбардировок – повлиять на СССР перед его вступлением в войну с Японией на Дальнем Востоке и продемонстрировать атомную мощь США. Известно, что 24 июля 1945 г. во время Потсдамской конференции руководителей трех союзных держав президент США Гарри Трумэн сообщил Сталину, что у США появилось новое оружие невиданной разрушительной силы. При этом Трумэн не уточнил, что он имел в виду именно ядерное оружие. Сталин не проявил особого интереса, заметив только, что рад и надеется, что США смогут эффективно применить его против японцев. Черчилль, внимательно наблюдавший за реакцией Сталина, остался при мнении, что Сталин не понял истинного смысла слов Трумэна и не обратил на него внимания. Это фрагмент исторической встречи трех руководителей.

В то же время, согласно мемуарам легендарного маршала СССР Г. К. Жукова, Сталин великолепно все понял, но не подал вида и в разговоре с министром иностранных дел СССР В. М. Молотовым после встречи отметил, что «надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы».

После рассекретивания операции американских спецслужб под кодовым названием «Венона» (Project Venona) стало известно, что советские агенты уже давно сообщали о разработке ядерного оружия. По некоторым сведениям, агент Теодор Холл за несколько дней до Потсдамской конференции даже указал запланированную дату первого ядерного испытания. Это может объяснить, почему Сталин спокойно воспринял сообщение Трумэна. Теодор Холл (Хольцберг) работал на советскую разведку уже с 1944 г.

В 1947 г. по инициативе США был разработан план Маршалла, который предполагал восстановление экономики европейских стран на определенных условиях. «Программа восстановления Европы» (официальное название англ. *European Recovery Program*) была выдвинута американским государственным секретарем Джорджем К. Маршаллом и вступила в действие в апреле 1948 г. В ее осуществлении участвовали 17 европейских государств, включая Западную Германию. Предлагалась такая же помощь СССР и его союзникам, но Советский Союз отказался от участия. План Маршалла действовал четыре года, за это время было выделено и потрачено 13 млрд долларов на оказание экономической и технической помощи по восстановлению европейских государств, объединившихся в Организацию Европейского Экономического Сотрудничества. План содействовал установлению послевоенного мира в Западной Европе. Заявленной США целью реализации плана было восстановление разрушенной войной экономики Европы, устранение торговых барьеров, модернизация промышленности этих стран и развитие Европы в целом.

План Маршалла преследовал еще одну основную цель – это ослабление влияния коммунистов и СССР. Поэтому не случайно США в качестве предварительного условия предоставления помощи потребовали выведения коммунистов из состава правительств стран, подписавших договор. В результате к 1948 г. ни в одном правительстве Западной Европы коммунистов не было. Симптоматично, что далеко не все высшие американские сановники этого периода поддерживали план Маршалла. Так, бывший вице-президент США Генри Уоллес осудил план Маршалла, назвав его инструментом холодной войны против СССР. Интересно, что 14 марта 1994 г. экс-президент Ричард Никсон, выступая перед членами Государственной думы, подчеркнул: «...Если бы я был русским политиком, я бы сообразил, что не нужно все время идти в фарватере американской политики». Другой пример: бывший президент США Джимми Картер заявил в интервью американскому сетевому каналу Salon: «Мир смотрит на Америку как на главного разжигателя войн». Видимо, такого рода прозрения наступают лишь у бывших президентов Соединенных Штатов. У действующего Президента США Барака Обамы такое прозрение пока не наступило! Как говорится, еще не вечер!

После окончания Второй мировой войны личные отношения между Сталиным, Трумэн и Черчиллем, мягко говоря, испортились. Тем не менее в феврале 1947 г. Черчилль направил частное послание Сталину в ответ на переданный через побывавшего в Москве фельдмаршала Монтгомери сталинский привет: «Я постоянно вспоминаю наши товарищеские отношения в те годы, когда все было поставлено на карту. Я также счастлив узнать от Монтгомери, что Вы в добром здравии. Ваша жизнь драгоценна не только для Вашей страны, которую Вы спасли, но и для дела дружбы между Советской Россией и Великобританией и даже всем говорящим на английском языке миром, дружбы, от которой зависит будущее счастье человечества. Верьте мне, искренне Ваш Уинстон Черчилль». Возможно, что в тот момент Черчилль на самом деле верил, что со Сталиным еще можно договориться. Окончательный разрыв между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции произошел только в следующем, 1948 г. В итоге Сталин из союзника в борьбе против Гитлера превратился в главную угрозу и неприятеля.

Именно Черчиллю принадлежит крылатое выражение: «У Британии нет постоянных врагов и постоянных друзей, а есть только постоянные интересы» (Great Britain has no constant friends or enemies but rather constant interests).

В период холодной войны Гарри Трумэн приложил немало усилий для того, чтобы испортить отношения с Советской Россией и лично со Сталиным. Приведу хронологию событий, которые были инициированы Трумэном.

1. Иранский кризис. Срок вывода союзных войск из Ирана был установлен договором 1942 г., по которому страны должны вывести свои войска из Ирана в течение шести месяцев после окончания войны. К 1 января 1946 г. Иран покинули все американские войска. Великобритания заявила, что ее войска уйдут до 2 марта. Согласно сообщению ТАСС, СССР был готов со 2 марта 1946 г. начать выводить свои войска из «относительно спокойных», то есть северных районов Ирана. Однако СССР это обязательство не выполнил.

Правительство Ирана 18 марта 1946 г. в острой форме поставило перед Советом Безопасности вопрос о немедленной эвакуации всех советских войск. Москва пыталась отложить проведение заседания Совета Безопасности хотя бы до 1 апреля. Когда это не удалось, советский представитель А. А. Громыко покинул заседание Совета. Реакция США была более чем жесткой. Трумэн пригрозил СССР войной. Он писал: «Если бы русские, прямо или косвенно, взяли под контроль иранскую нефть, баланс сырья в мире понес бы серьезный урон, и это стало бы серьезной потерей для экономики западного мира». Иначе говоря, до сих пор все крутится вокруг нефти!

2. Китай. 1 октября 1949 г. великий кормчий Мао Цзэдун провозгласил Китайскую Народную Республику. Свергнутый Чан Кайши бежал на остров Тайвань под прикрытием

войск США и с их ведома устраивал военные налеты на китайские города, пока в районе города Шанхай не была размещена советская группировка ВВС. Прошли годы, десятилетия, однако центральной проблемой американо-китайских отношений остается проблема Тайваня. Речь идет не только о суверенитете КНР, но и мире и стабильности в азиатско-тихоокеанском регионе в целом. Два Китая – результат американской политики. Хотя Правительство КНР выступает против такого понятия.

3. Вьетнам. В 1945 г. Хо Ши Мин провозгласил на освобожденной территории независимую Демократическую Республику Вьетнам (ДРВ). Однако Франция объявила колониальную войну против Вьетнама. После того, как в 1950 г. ДРВ была официально признана СССР и Китаем, США начали оказывать значительную военно-экономическую помощь Франции. После поражения французских сил в июле 1954 г. были подписаны Женевские соглашения.

4. Война в Корее. 25 июня 1950 г. северокорейская армия провела наступление на Южную Корею. Практически сразу в военные действия вмешались США, заручившись при этом поддержкой ООН. Понеся тяжелые поражения в первый месяц, в дальнейшем американские войска сумели остановить продвижение северокорейцев, а в сентябре – начать успешное контрнаступление. От полного уничтожения КНДР была спасена Китаем, который отправил ей на помощь значительные военные силы. СССР официально не участвовал в войне, но во многом взял на себя финансирование, а также снабжение китайских войск. После новой серии поражений войск ООН линия фронта стабилизировалась, и в Корее началась позиционная война.

Корейская война была одним из важнейших событий во внешней политике США первой половины 1950-х годов. Ее затягивание и ставшая очевидной к 1952 г. бесплодность самым негативным образом отразились на политическом рейтинге Трумэна, не баллотировавшегося на очередных президентских выборах. Победа на них кандидата от республиканцев генерала армии Дуайта Эйзенхауэра была во многом обусловлена его обещаниями прекратить боевые действия в Корее. В связи с Корейской войной Гарри Трумэн остался в истории США как президент, имевший самый низкий рейтинг во время пребывания на посту. Но с его уходом холодная война так и не закончилась.

Вновь избранный Президент США Дуайт Эйзенхауэр еще до официального вступления в должность (4 ноября 1952 г.) совершил поездку в Корею, для того чтобы на месте выяснить, что можно сделать для прекращения войны. Однако поворотным событием стала смерть Сталина 5 марта 1953 г., вскоре после которой Президиум ЦК КПСС проголосовал за окончание войны. Потеряв поддержку СССР, Китай согласился на добровольную репатриацию военнопленных. 20 апреля 1953 г. начался обмен первыми больными и искалеченными пленными. 27 июля 1953 г. был заключен договор о прекращении войны. Представитель Южной Кореи отказался подписать документ.

Итак, можно подвести некоторые выводы и сформулировать ряд рекомендаций.

1. Инициаторами холодной войны были в первую очередь Соединенные Штаты и Англия в лице Президента США Гарри Трумэна и сэра Уинстона Черчилля. Одной из главных составляющих конфронтации была идеологическая борьба и, как ее следствие, противоречия между капиталистической и коммунистической моделями государственного устройства. И, скажем, не только. Между США и их союзниками, с одной стороны, и СССР и социалистическим лагерем – с другой, шла упорная борьба за сферы влияния и рынки сбыта. Например, иранский кризис, Корейская война и др.

2. Финальная точка в холодной войне была поставлена в декабре 1991 г., когда распался Советский Союз. Развал СССР – это результат многих причин и обстоятельств. В первую очередь распад обусловлен внутренними политическими причинами. Первый президент СССР М. Горбачев и первый президент России Б. Ельцин своими руками уничтожили СССР. Если первый в силу слабости и отсутствия здравого смысла, то второй, напротив, из-за избытка

личного эгоизма. Б. Ельцину нужна была личная власть, власть президента, любой ценой, даже ценой гибели советской империи.

3. Возможна ли холодная война в современных условиях глобального противостояния между Россией, США и Европой? Министр иностранных дел России Сергей Лавров считает неуместными разговоры о холодной войне. Об этом глава МИД рассказал в эфире телеканала «Россия 24». Тем не менее дипломат заявил о некоторых проблемах, связанных «с тем, что мир меняется, а подходы наших западных коллег все еще остаются такими, как были в продолжавшейся много веков эпохе их однозначного доминирования».

Сергей Лавров считает, что Россия не желает и не допустит никакой холодной войны, несмотря на стремление США к конфронтации и их попытки влиять на партнеров. Об этом он заявил 21 января 2015 г. на пресс-конференции в Москве. Интересно, что думают по этому поводу наши партнеры?

Наглядный пример: Белый дом разрабатывает новые подходы к сдерживанию России в Европе, пишет *The Wall Street Journal*. Новая доктрина администрации Обамы предполагает усиление вооруженных сил союзников и потенциальных партнеров США, при этом ставится задача искоренить коррупцию в правительствах тех стран, которые Москва использует для увеличения своего влияния. Принятие более широкой стратегии должно ослабить способность Москвы использовать экономические рычаги или энергетику для усиления своего влияния в Восточной и Южной Европе, пишет газета.

На мой взгляд, Россия, США, Европа стоят, в лучшем случае, на пороге новой холодной войны. Причем холодная война возможна не только по причине имевшей место в прошлом идеологической борьбы между СССР и странами Запада. В основе такой войны могут быть геополитические интересы основных международных центров силы и влияния – США, Европа, Япония, Китай, Россия, что наглядно продемонстрировано на примере Украины.

Геополитические интересы России определяются ее географическим положением, территорией, населением, уровнем развития экономики, участием в мировых и европейских политических и экономических процессах. И, конечно, геополитика объективно не зависит от того, кто руководит страной.

4. Профессор Гарвардского университета (США) Джозеф Най, выступая на конференции «От Фултона до Мальты: как начиналась и как закончилась холодная война», указал на уроки, которые следует извлечь из холодной войны: **а)** кровопролитие как средство урегулирования глобальных или региональных конфликтов не является неизбежным; **б)** существенную сдерживающую роль сыграло наличие у противоборствующих сторон ядерного оружия и понимание того, каким может стать мир после ядерного конфликта; **в)** ход развития конфликтов тесно связан с личными качествами конкретных лидеров (Сталин и Гарри Трумэн, Михаил Горбачев и Рональд Рейган); **г)** военная мощь имеет существенное, но не решающее значение (США не достигли своих целей во Вьетнаме, а СССР – в Афганистане); **д)** в эпоху национализма и третьей индустриальной (информационной) революции управлять враждебно настроенным населением оккупированной страны невозможно; **е)** в этих условиях гораздо большую роль приобретает экономическая мощь государства и способность экономической системы приспосабливаться к требованиям современности, способность к постоянным инновациям; **д)** значительную роль играет использование мягких форм влияния, или *soft power*, то есть способности добиться от других желаемого, не принуждая (запугивая) их и не покупая их согласие, а привлекая на свою сторону. Весьма интересно и даже полезно для изучения и понимания российского истеблишмента!

Современная Россия также должна извлечь уроки из холодной войны.

5. Географическое расположение нашей страны определило ее историческое движение. Находясь между Западным и Восточным мирами, Россия выполняет связующую роль между

ними. Поэтому у настоящей и будущей России – историческая (цивилизованная) миссия объединить Восток и Запад.

Учитывая естественные противоречия Запада и США, России надо играть роль организатора коллективных усилий по объединению Запада в противовес США. Расширение американского влияния опасно не только для России, но и для западных государств. В политике нет друзей, есть только интересы.

Печальный пример: в годы Второй мировой войны США подвергли атомной бомбардировки японские города Хиросима и Нагасаки с целью ускорить капитуляцию Японии. Однако современное японское правительство следует в фарватере за Соединенными Штатами и их союзниками. Странная логика!

Заместитель председателя комитета Госдумы по науке и наукоемким технологиям Михаил Дегтярев считает унижительным для японцев следование в русле политики США, которые подвергли эту страну страшной атомной бомбардировке, пишет РИА Новости. Действительно, странно и печально!

Оказывается не только Россию умом не понять и аршином общим не измерить. На политической карте мира есть немало государств, которые непонятны и непредсказуемы с точки зрения геополитических интересов и выбора партнеров. Их бомбят, а они укрепляют военный альянс с США и НАТО.

С. В. Чернов

США – Россия: необъявленная война

ЧЕРНОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – полковник в отставке, длительное время возглавлял оперативный архив Управления КГБ СССР – ФСБ РФ в составе Службы регистрации и архивных фондов. Огромная работа по реабилитации жертв политических репрессий, активная помощь и участие в подготовке и издании «Мартиролога» жертв репрессий в Ленинградской области, совместно с Российской национальной библиотекой проходили при его непосредственном руководстве. Автор ряда изданий по истории Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Вместо предисловия

На рубеже 50-х годов началось противостояние двух общественно-политических систем, двух государств – США и СССР. Это противостояние с легкой руки Б. Брауха, бывшего советником президента США Г.Трумэна, впервые употребившего это выражение 16 апреля 1947 г. в речи перед палатой представителей штата Южная Каролина, получила название «холодная война».

Одну из противоборствующих сторон представляла Организация Североатлантического договора (НАТО), созданная 4 апреля 1949 г. в США и была направленная в первую очередь на противодействие внешнеполитическим устремлениям СССР, только что победившего в войне и обладавшего поэтому огромным авторитетом в мире. Создание указанного блока руководством СССР было воспринято как угроза безопасности страны. В качестве ответной меры 14 мая 1955 г. в Варшаве СССР подписал с государствами Восточной Европы, освобожденными от фашизма, Варшавский договор о создании военного союза европейских социалистических государств, при ведущей роли Советского Союза, – Организации Варшавского договора (ОВД). Помимо государств – участников ОВД, наиболее активными и деятельными союзниками СССР в холодной войне на разных ее этапах были такие страны, как Куба, КНДР, Китай, Монголия, Вьетнам и ряд других. Берлинский кризис, Корейская война – вот основные события первого этапа холодной войны, этапа, в начале которого США планировали атомную бомбардировку СССР. Однако появление у Советского Союза атомной (1949 г.), а затем водородной (1953 г.) бомбы охладило пыл потенциального агрессора.

Холодная война стала особой формой борьбы Запада с СССР, это была борьба, направленная на разрушение экономической, военной и политической системы государства, но в дальнейшем на первый план в холодной войне вышли информационно-психологические, идейно-культурные методы и приемы.

Основные цели, принципы и направления информационно- психологической войны были сформулированы в знаменитом меморандуме Алена Даллеса: «Окончится война... и мы бросим все... на оболванивание и одурачивание людей. ... Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания».

Некоторые считают меморандум фальшивкой, но даже если меморандум был фальшивкой, в действительности холодная война США против СССР состоялась и развивалась на основе целей, принципов и методов, изложенных в этой «фальшивке».

К тому же, помимо рассуждений Даллеса об ударах, нарушающих социокультурный код того или иного общества, американский сенатор Х. Хамфри писал Трумэну о важности «оказывать решительное воздействие на культуру другого народа прямым вмешательством в процессы, через которые проявляется эта культура». Информационно-психологические войны в сфере идей и культуры потребовали значительного времени. Именно на это и настраивались противники СССР.

Главным направлением в холодной войне против СССР стал курс специальных служб иностранных государств на постепенное изменение общественного сознания его граждан, прежде всего в среде номенклатуры и интеллигенции Советского Союза.

Западные аналитики, хорошо зная ментально-культурные особенности советских людей, направляли свои устремления на дестабилизацию обстановки в СССР. В первую очередь под влияние попадала интеллигенция, части которой характерны такие качества, как стремление обесценить официальную идеологию и ее смыслы, склонность к критике власти.

В целом и военно-политические, и информационно-психологические технологии применялись в комплексе. НАТО пользовалась ситуацией в СССР и на международной арене и выгодным для себя образом освещала происходившие там события. Так, например, освещение НАТО XX съезда КПСС и венгерских событий 1956 г. нанесло существенный удар по СССР, и в тоже время подорвало позиции коммунистических партий на Западе, подставляя их под критику и обостряя внутренние противоречия в этих странах. Ослаблялись позиции СССР в государствах социалистического лагеря. Обострялись отношения КПСС с правящими в соц-странах партиями, что приводило к утрате доверия как в обществе, так и внутри самой партии.

К концу 70-х – началу 80-х годов соотношение сил в холодной войне стало меняться в сторону западной коалиции. НАТО воспользовалось тем, что советская номенклатура начала перерождаться в неидеологический, потребительский класс. Этому способствовали застойные процессы в движении и сменяемости кадров, сращивание теневой экономики с хозяйственными кадрами, падение роли партийных органов в жизни общества, участие экономики СССР в мировом рынке в качестве поставщика сырья. Следует отметить, что зависимость СССР от экспорта нефти повышала его уязвимость к воздействию тех сил, которые контролировали мировой рынок нефти и определяли цены на нем, – так было положено начало процессу частичной утраты суверенитета страны.

К середине 1980-х годов, с приходом к власти М. С. Горбачева, исповедующего западные либеральные ценности, сложились условия, способствовавшие стремительному распаду СССР. Моральное и социальное разложение верхушки, ее идеологический разворот в сторону Запада, командно-бюрократический стиль управления, бездарность «первых лиц» государства стали факторами, повлиявшими на развал СССР.

Запад приложил максимум усилий для повышения своего влияния непосредственно в самой России. Натовские «друзья» дружно хлопали в ладоши «лучшим немцам и министрам иностранных дел» за сдачу политических позиций и отдельных территорий, «лучшим министрам финансов», ввергавших Россию в долговую кабалу.

1 июля 1991 г. прекратил свое существование Варшавский договор, который подвел черту в холодной войне, но не стал окончанием геополитического наступления стран НАТО по всем направлениям. Особенно политическая и финансовая элита США открыто демонстрировала свое активное стремление к безоговорочному управлению миром.

В настоящее время украинский кризис стал свидетельством стремления США и их союзников принизить роль России в мировой политике и экономике, упрочить однополярный подход к миропорядку.

Критика современной политики России и Президента В. Путина со стороны политических противников, как внешних, так и внутренних, является прямым индикатором того, что Россия стоит на верном пути своего развития и является примером настойчивого сопротивления однополярному обустройству мира.

Особой формой ведения холодной войны в отношении СССР, а затем и России стало использование зарубежными спецслужбами так называемой агентуры влияния. Эта агентура вербовалась в основном из числа советской номенклатуры, вышедшей из-под контроля как сверху, так и снизу, и, что самое главное, выведенная из-под контроля органов госбезопасности. В подтверждение сказанному приведем текст документа за подписью Председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова, оглашенного 17 июня 1991 г. на сессии Верховного Совета СССР тогдашним шефом КГБ СССР В. А. Крючковым.

«По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, в последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществить вербовку “агентуры влияния” из

числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза. ЦРУ разработала программу индивидуальной подготовки “агентов влияния”, предусматривающую приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, один из важнейших аспектов подготовки такой агентуры – преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства. Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой “агентов влияния”, проводящих в жизнь политику саботажа в народном хозяйстве и искривление руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки. По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность “агентуры влияния” будет способствовать созданию определенных трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях. По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет в конечном счете к принятию Советским Союзом многих западных идеалов. КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки»¹.

В противостоянии военно-политических организаций НАТО и Варшавского договора на передней план были выдвинуты разведывательные и контрразведывательные организации противоборствующих сторон.

В связи с этим перед российскими органами государственной безопасности встали задачи дальнейшего совершенствования оперативной и служебной деятельности для своевременного выявления и пресечения попыток зарубежных спецслужб засылать в нашу страну кадровых разведчиков и агентов в составе дипломатических представительств и зарубежных делегаций, а также под видом коммерсантов, специалистов и туристов.

Масштабы этой тайной войны были грандиозны. «Только в 1985 г. военные разведчики США, Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, Канады и Японии совершили 520 разведывательных поездок по нашей стране. Из них – 133 американцы, 115 – англичане, 106 – французы, 47 – разведчики ФРГ. Обычно эти «бригады» действовали нагло и напористо. Однако получали отпор от территориальных органов контрразведки», – пишет в своей книге «КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки» генерал-майор Вячеслав Широнин².

Примеров результативной деятельности территориальных органов безопасности России, в частности ленинградского Управления госбезопасности, можно привести много, но по оперативным соображениям расскажем только о некоторых из них.

В 1956 г. был выявлен и вскоре разоблачен агент израильской разведки Итенберг. Старший оперуполномоченный отделения Александр Степанович Бочковский в работе по делу Итенберга действовал настойчиво, целеустремленно, квалифицированно. Вслед за этим последовали разоблачения сотрудничавших с американскими спецслужбами братьев Ижболдиных,

¹ Без срока давности: в 2 кн. Кн. 1. В. А. Крючков. М.: Просвещение, 2006. С. 14–15.

² КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М.: Ягуар, 1997. С. 109.

Фомичева, Рафаловича, Иевлива, работу по которым вместе с сотрудниками КГБ СССР активно вели оперработники отделения Евдокимов, Зенин, Мальков. В этот же период были пойманы с поличным при проведении разведывательных действий американские военные разведчики Уффелман и Луис, которыми занимался старший оперуполномоченный Александров Иван Алексеевич.

В середине 1960-х годов у 2-й службы были также определенные успехи в оперативной работе: разоблачен вербовщик английской разведки Тойвола, по нашей инициативе совместно с центром начата оперативная игра с американской разведкой, которая продолжалась более 30 лет. Через подставленного спецслужбам США нашего агента мы внедрили противнику большое количество дезинформации по важным военно-научным вопросам, выявили значительное число сотрудников спецслужб, работавших в Советском Союзе под различным прикрытием.

Далее идут рассказы журналиста А. Д. Витковского, записанные и составленные по материалам, которые были предоставлены С. В. Черновым.

Весна 2001 г. Санкт-Петербург. Конспиративная квартира одной из российских спецслужб. За столом небольшая компания, собравшаяся на дружеский ужин. Повод – годовщина начала уникальной, имеющей стратегическое значение для национальной безопасности России контрразведывательной операции.

Узкий круг посвященных

«Главным блюдом» на встрече стал сорокалетний армянский коньяк. Точнее, сам напиток, судя по этикетке, имел 10-летнюю заводскую выдержку, а остальные 30 лет, пока шла упомянутая операция, хранился в укромном месте, ожидая своего звездного часа.

– Эту бутылку великолепного марочного коньяка мы купили сразу после первого этапа нашей операции, чтобы выпить ее после успешного завершения всей оперативной игры, – подчеркнул полковник ФСБ Юрий Шаров. – И день настал. И мы пьем этот достойный напиток, который хранился более трех, нет, уже четырех десятков лет, за наш успех, за победу в трудном поединке с профессионалами из Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки.

Одним из тех немногих, кто присутствовал на памятном ужине, был автор настоящего материала. Причем на тот момент о том, что отечественными спецслужбами осуществлялась такая оперативная игра, в стране знали всего 15 человек, из которых 14 были непосредственными ее участниками. Дело в том, что в интересах операции ей был присвоен высочайший статус секретности: по решению руководства контрразведки к делу надлежало допустить не более 2–3 сотрудников. Даже руководители КГБ и ФСБ знали главного героя операции только по оперативному псевдониму. Хотя, как видим, за 32 года игры круг посвященных по ряду причин все же расширился до 14 человек. Четверо из них, к сожалению, до окончания операции не дожили, их память мы тогда почтили «третьим тостом».

В советское время такого рода операция осталась бы, вероятно, навсегда в закрытом архиве спецслужб, но в новой России ее судьба сложилась иначе. Некоторое время спустя после завершения операции директор ФСБ РФ Николай Патрушев дал разрешение на ознакомление с материалами по ней, в результате чего в конечном итоге и стала возможной эта публикация. Меня просили не упоминать в публикациях настоящие имя, отчество и фамилию главного героя операции, поэтому будем называть его так – Михаил Моисеевич Плавин.

Нежданный сюрприз

60–70-е годы XX века были отмечены резким обострением американо-советского противостояния. В такой ситуации у спецслужб обеих стран стояла задача – любыми путями выяснить стратегические замыслы главного противника. Узнать, каков ядерный потенциал, насколько реальна угроза превентивного нападения, смогут ли пусковые ракетные шахты выдержать мощностъ вражеского атомного шквала, а самое главное – возможен ли ответный удар.

Разведка США совершала все мыслимое и немыслимое, чтобы добраться до этих сведений и получить объективную и достоверную информацию. Наша контрразведка, напротив, сосредоточила свои усилия на защите этих, пожалуй, самых секретных в то время материалов. Вместе с тем она делала все возможное, чтобы обмануть противника, ввести его в заблуждение по поводу стратегических замыслов советского военно-политического руководства, а также относительно сведений по поводу тактико-технических и боевых характеристик нашего оружия, его количественных показателей, мест дислокации. Тем более что изначально советская позиция в атомном противостоянии была более уязвима – и ядерных боеголовок меньше, и полетное время носителей до территории США дольше, не говоря о множестве других нюансов.

Именно тогда в оперативную лексику отечественных спецслужб прочно вошел термин «скрытое управляющее воздействие на противника», в рамках которого до потенциального противника надо было довести такую информацию, которая бы заставила его сделать окончательный и бесповоротный вывод о бесперспективности проведения масштабных или локальных боевых действий против СССР с использованием ядерного оружия.

И вот весной 1966 г. в американское посольство в Дании неожиданно приходит советский гражданин и выкладывает на стол схемы отдельных узлов ракеты морского базирования, отснятые на фотопленку в одном из секретных «почтовых ящиков» Ленинграда, уже давно интересующем ЦРУ. Американцы были просто вне себя от радости.

Оперативный замысел

«Идея подставы противнику контролируемого нами источника секретных сведений далеко не новая, – говорил мне Николай Богданов, полковник в отставке, кавалер более 20 боевых наград, один из тех, кто задумал и начал реализацию плана по подставке Лэнгли советского «шпиона-инициативника». – Американцы знали этот прием и зачастую отказывались от подобных контактов со стороны шпионов-инициативников. Поэтому мы решили сыграть на западном меркантильном прагматизме: почему бы не представить передачу секретов американцам не как акт «предательства» советского гражданина (именно от подобных доброхотов американцы зачастую отмахивались, словно от назойливых мух), а как взаимовыгодную сделку по купле-продаже секретной информации. Некий прообраз рыночных отношений в сфере шпионской деятельности. Нам представлялось, что именно такой подход будет близок меркантильной сущности и деловой хватке американцев».

«Майкл, как меня называли цэрэушники, не был предателем и не собирался “съезжать за бугор”, – описывал мне позже свой образ «агента» Михаил Плавин. – Для моего двойника тайный контакт с иностранцами стал результатом стечения различных объективных и субъективных жизненных обстоятельств. Американцам импонировало, что я не какой-то тривиальный изменник, предатель, которому наплевать на интересы своей страны, а деловой человек, который хочет продать имеющийся у него товар и сделать это “не токмо корысти ради”, а еще и во имя общих интересов предотвращения ядерной войны и возможных партнерских взаимоотношений между нашими государствами в будущем. Если хотите, у этого человека была своя философия, которая очень близка по духу американцам. На этом и строилась вся игра».

Однако от замысла до практической реализации оперативного плана лежала дистанция огромного размера. Предстояло выявить объект устремлений американской разведки, определиться в характере дезинформационных материалов, которые без ущерба для страны и ее военно-промышленного потенциала можно передать противнику и которые должны заинтересовать его, отработать безукоризненный способ передачи этих сведений, не вызывающий подозрений у сотрудников ЦРУ. Но самое главное – надо было найти исполнителя оперативного замысла. Того человека, который возьмет на себя ответственность и смелость вступить в непосредственный контакт со спецслужбой противника, заранее зная, что стопроцентный успех не гарантирован, а риск быть раскрытым – чрезвычайно велик. Ведь в тайном поединке спецслужб могло случиться всякое.

При этом вариант использования кадрового контрразведчика был отмечен сразу, поскольку военная служба, учеба в закрытом вузе или работа в органах госбезопасности накладывает неизгладимый отпечаток на характер, образ мыслей, манеру поведения и общения человека. Все эти качества не останутся незаметными для противника, заставят его быть более осторожным, недоверчивым, чаще проверять и перепроверять своего конфиденанта и получаемую с его помощью информацию.

Было решено найти человека на стороне, не связанного напрямую с работой органов госбезопасности. Им то и стал Михаил Плавин.

«Осенью 1965 года в здании “ЛенТАСС” ко мне подошли два молодых человека, показали документы сотрудников госбезопасности и попросили проехать с ними, – поведал мне на том памятном ужине свою историю Михаил Моисеевич. – Я уже давно работал с иностранными делегациями, знал, что за ними присматривает КГБ, поэтому их просьба меня не удивила. Страх не было. Скорее любопытство.

В черной “Волге” мы подкатали к “Астории”. В гостиничном номере ожидали два чекиста, чуть старше меня по возрасту. Познакомились, поговорили о том о сем, в том числе и обо мне, о моей работе. Разговор был достаточно долгим – вроде обо всем и ни о чем конкретно.

А потом они спросили, не смогу ли я выехать туристом в какую-нибудь западноевропейскую страну и зайти в посольство одного из развитых капиталистических государств.

Поначалу их предложение вдавило меня в кресло, будто я в самолете на “мертвую петлю” пошел. Собеседники тоже заметили мое смятение и успокоили – ведь ехать нужно не завтра. Впереди несколько месяцев напряженной подготовки. Тут и я вышел из крутого эмоционального “виража”, поблагодарил за доверие и согласился».

Вопрос о том, почему выбор пал именно на Плавина, позже напрямую был задан генералу в отставке Евгению Телегуеву, отдавшему многие годы службе в органах госбезопасности. Дело в том, что он был одним из тех двух чекистов, кто встретил Плавина в «Астории» и принял активное участие в разработке всей операции. Вот что он мне поведал: «Мы исходили из той легенды, в которую должен был вжиться наш негласный помощник. Предварительно нами был изучен не один десяток кандидатов, но остановились на Плавине. Его эрудиция, смелость (Плавин – фронтовик, воевал на пикирующем бомбардировщике. – А. В.), аналитический склад ума, самообладание, раскованность в общении с иностранцами и умение адекватно вести себя в стрессовых ситуациях свидетельствовали о том, что он справится с этой сложной и трудной работой. И еще. Мы на сто процентов были уверены, что он не предаст, даже если сотрудники ЦРУ будут оказывать на него жесткое морально-психологическое давление, и не проболтается о связях с сотрудниками органов госбезопасности среди своего ближайшего окружения. Время и наша совместная работа показали, что мы не ошиблись».

Подготовка

С выбором предприятия, к которому американцы проявляли интерес, особых проблем не было. Свой взгляд чекисты остановили на «почтовом ящике» № 271 в Ленинграде, выпускавшем ракетно-артиллерийское вооружение для ВМФ СССР. Через третьих лиц, чтобы ни у кого не было подозрений, туда устроили на работу Плавина, получившего вскоре соответствующий допуск. По своим функциональным обязанностям он занимался фотосъемкой чертежей, в том числе и совершенно секретных.

Будучи человеком коммуникабельным, Михаил быстро познакомился со многими сотрудниками, изучил расположение кабинетов и цехов предприятия, распорядок дня, систему охраны и допуска к секретным работам, тайно сделал несколько «тренировочных» снимков закрытой документации. Конечно, с формальной точки зрения он грубо нарушал инструкцию по работе с секретными документами, и если бы кто-то из коллег застал его одного за фотосъемкой секретных бумаг с нарушением установленных правил, крупных неприятностей новому сотруднику было бы не миновать. Но в шпионском ремесле все должно быть по-настоящему, особенно с учетом того, что американцы могли попытаться проверить «легенду» Плавина. К тому же «незаконная» деятельность Плавина помогла выявить и устранить некоторые упущения в работе с секретной документацией на предприятии.

Сложнее было определиться с теми сведениями, которые без ущерба для страны надлежало передать иностранцам. С одной стороны, они должны были заинтересовать ЦРУ, показав значительные оперативные возможности агента по получению важной документации, и создать предпосылки для дальнейших контактов, а с другой – ни в коем случае не нанести ущерба нашим секретным проектам и не позволить раскрыть перед американскими специалистами перспективные возможности советских научно-технических разработок в этой области. В конечном итоге было решено «слить» некоторые схемы общего плана и отдельных узлов наших ракет с дальностью до 800 км. Весь объем подобранных для передачи в ЦРУ материалов давал хаотичную и пеструю картину, которая не складывалась в целостное полотно и не раскрывала действительных секретов нашего вооружения.

Тщательно разрабатывалась легенда поведения Плавина в процессе контактов с сотрудниками зарубежных спецслужб. Особое внимание уделили мотивам «преступления». Здесь пошли, что называется, от жизни – отсутствие жилья и реальной перспективы его получения в ближайшем будущем. Единственный возможный вариант – покупка кооператива, для чего и понадобились деньги, которые инициативник и рассчитывал получить от американской разведки за представленные секретные документы.

Пришлось поломать голову и при выборе страны, в которой с наименьшим риском и максимальной эффективностью можно было бы провести операцию по подставе. Остановились на Дании. Здесь советские спецслужбы еще не проводили острых оперативных мероприятий, а вот американцы «засветились» изрядно. Только что был обнаружен специально проложенный тоннель в сторону посольства СССР, а в датской резидентуре ЦРУ вдруг появились разведчики, владеющие русским языком.

Наконец, после длительной подготовки 28 марта 1966 г. группа советских туристов, в которую были включены Плавин и оперработник Ленинградского управления КГБ, которому предстояло обеспечивать работу агента, а при необходимости – подстраховывать его, выехала из Москвы в Копенгаген.

Игра начинается

1 апреля в два часа пять минут пополудни оторвавшийся наконец от своей туристической группы Плавин позвонил в дверь американского посольства.

Принявшему его дипломату пришлось долго объяснять цель визита – американец никак не мог въехать в проблему, поскольку плохо знал немецкий язык, которым владел Плавин, ну а русский дипломат не знал и вовсе. На выручку подоспел вице-консул, представившийся Бобом и сносно говоривший на русском. К необычному посетителю он проявил искренний интерес и внимательно слушал его, время от времени задавая уточняющие вопросы и делая пометки в своем блокноте. А когда увидел, как Плавин вытащил из своего фотоаппарата кассету, на катушке которой под обычной пленкой были намотаны негативы с секретными чертежами, и вовсе изумился.

Тем временем «изменник» выдвинул свои финансовые условия, на которых он был готов передать эту пленку и другие негативы, хранившиеся в гостинице. Американцы согласились и договорились о следующей встрече через день, назначив место и время.

Второе свидание происходило в автомашине, судя по всему принадлежавшей посольству США. В ней кроме Боба находился еще один американец, представившийся Александром Павловичем и почти без акцента говоривший по-русски. Позже установили, что это кадровый сотрудник ЦРУ Питер Грей. Он прежде всего отметил, что представленные документы хоть и подлинные, но несколько устаревшие, а получив вторую пленку, задал массу вопросов, касавшихся самого Плавина, его работы, доступа к секретным сведениям и условий их передачи американцам. Особо его интересовали мотивы обращения к зарубежной разведке. Именно тогда Михаил убедился в том, насколько правильно был выбран повод для его встреч с американцами и глубоко продумана легенда его поведения. Здесь же «по-деловому» договорились и о конкретной цене за «секретные» материалы. «Если вы согласитесь сотрудничать с властями США, – подвел итог беседы Александр Павлович, – то станете очень богатым человеком».

Тщательный опрос Плавина продолжился и на следующий день, на третьей встрече, начавшейся у ажурной решетки парка «Тиволи» и закончившейся на конспиративной квартире ЦРУ. Новая встреча состоялась в небольшом коттедже. Комната, где происходила беседа, была нашпигована какой-то аппаратурой, а Плавину в достаточно жестком и динамичном темпе задали огромное количество прямых вопросов, в большинстве случаев требовавших четких и недвусмысленных ответов по принципу «да-нет».

Уже затем, в Ленинграде, обсуждая обстоятельства этой встречи с нашими оперработниками, участники операции пришли к выводу, что, судя по всему, была проведена бесконтактная проверка «инициативника» на детекторе лжи. По тембру голоса, частоте дыхания и некоторым другим показателям, которые можно фиксировать в процессе визуального наблюдения, кино- и фотосъемки, цэрэушники, видимо, изучали своего нового конфидента на предмет «врет – не врет». По всей видимости, Плавин успешно прошел этот тяжелейший с точки зрения психической нагрузки экзамен, для чего пришлось даже «заложить» оперработника, сопровождавшего группу.

На новой встрече, проходившей в одной из гостиниц, американцы провели детальный инструктаж своего «агента», снабдили подставными адресами для условных писем, специальным фотообъективом и несколькими кассетами высокочувствительной мелкозернистой фотопленки для изготовления микроточек с секретной информацией, а также научили делать их и прятать в почтовые открытки, равно как и извлекать такие микроточки из корреспонденции, которая будет приходить на его адрес. Была тщательно отработана и целая система условностей для переписки. Например, если в тексте попадалось слово «Walter», то в открытке спря-

тана микроточка, которую надо извлечь, проявить и ознакомиться с новым заданием. Слово «Wetter» означало паузу в работе, а «Paul» свидетельствовало об угрозе.

На последней, шестой встрече Плавину дали рецепт подготовки химсостава для проявки тайнописи в письмах, которые будут приходить по внутрисоюзному почтовому каналу на его имя. Также его попросили написать расписку о согласии сотрудничать с разведкой США, а заодно – под другие расписки – вручили ему 200 рублей (на то время это был почти его двухмесячный заработок) и 500 крон на расходы в Дании.

«Шторм» год за годом

Подчиняясь нерушимым требованиям конспирации, за время своего существования оперативная игра сменила не одно название: «Аврал», «Спираль», «Искра», «Штурм» и, наконец, «Шторм». Не менялись только офицеры контрразведки, ведущие это дело, и исполнитель оперативного замысла. Вернувшись домой, он отправил открытку на подставной адрес с условным текстом, что все идет нормально. Так начался почтовый роман с ЦРУ.

Первый год, как и ожидалось, не был отмечен интенсивной перепиской. Вероятно, обе стороны анализировали опыт первых встреч, изучали полученные сведения, разрабатывали стратегию и тактику дальнейших контактов, способы проверки.

В ноябре того же 1966 г. председатель КГБ при СМ СССР Юрий Андропов обратился в ЦК КПСС с предложением провести операцию по дезинформации противника, используя возможности Плавина, по вопросам разработки и состояния ракетно-ядерного оружия в СССР. В те годы даже в оперативной работе КГБ действовал только по согласованию с партийными органами. А для таких серьезных мероприятий, как дезинформация противника по основным военно-техническим разработкам с выездом исполнителя замысла за границу и его прямыми контактами с представителями зарубежных спецслужб, требовалось согласование на самом верху.

Конечно, в ЦК не докладывали ни имени нашего агента, ни страны, где проводились контакты – ничего, что могло бы даже при случайной утечке информации навести на след Плавина. Во всех документах, которые мне приходилось читать по этой оперативной игре, вместо имен, названий, цифр, дат и прочих важнейших сведений ставились пропуски, а конкретная информация вписывалась от руки, да и то в первые экземпляры.

Специальным постановлением ЦК КПСС, чего удостоились немногие чекистские операции, было санкционировано продолжение оперативной игры, и с этого момента началась подготовка чертежей, схем, текстовых разработок и фото для долговременных дезинформационных мероприятий. Меня поразило тот факт, что успешное проведение операции обеспечивали десятки, а может, и сотни людей, каждый из которых делал свое дело на каком-то определенном этапе, но вполне хватило бы пальцев на одной руке, чтобы сосчитать тех офицеров госбезопасности, кто знал всю тактику и стратегию этой уникальной игры, все нюансы и тонкости проводимых мероприятий и объединял труд и усилия многих чекистов.

Тем временем игра набирала обороты. Совместно со своими кураторами из КГБ «агент» готовил микроточки с «секретной информацией», заделывал их в открытки и направлял по известным адресам – не более одного почтового отправления в каждый адрес – во все концы света. В ответ приходили открытки с такими же микроскопическими вложениями, где ему давались очередные задания или указывались новые адреса. В общем, шла рутинная, но крайне напряженная и кропотливая шпионская деятельность, которая приносила пользу нашей стране.

Вскоре появились ощутимые результаты работы. Тщательный анализ адресов, откуда на имя Плавина поступала корреспонденция, их проверка и постановка на почтовый контроль открыток и писем, обнаружение отдельных демаскирующих признаков помогли выявить американского агента, работающего на территории СССР и еще неизвестного нашей контрразведке. Американцами была допущена явная ошибка – один и тот же почтовый адрес они дали двум разным агентам. Фактически они подставили своего осведомителя, хотя нельзя и исключать возможности такой иезуитской проверки – если бы подставленный агент провалился, то Плавин тут же был бы «списан со счета». Или наоборот. Наши контрразведчики этот вариант предусмотрели и взяли выявленного агента под наблюдение.

Впоследствии американцы перешли и на другие каналы связи – использовали передачу кодированных сообщений по радио (на установленной частоте диктор зачитывал группы цифр, а Плавин потом расшифровывал сообщение при помощи шифроблокнота), а также применяли тайниковые закладки.

Хранить вечно

Тем временем взаимоотношения между двумя сверхдержавами переживали взлеты и падения, похолодания и оттепели. В определенной степени сказывалось это и на ходе операции. У некоторых руководителей уже российских спецслужб, так называемой новой формации, проявлялся зуд завершить долговременную операцию либо международным шпионским скандалом с компрометацией американских разведчиков путем их поимки на тайниковой операции и получением очередных наград и званий за успешно реализованное мероприятие, либо прекращением оперативной деятельности и тихим свертыванием всей операции. Были даже конкретные указания закончить игру и прекратить все контакты Плавина с ЦРУ. Но руководители игры – контрразведчики, что называется, от Бога – продолжали свою работу по дезинформации американцев и получению ценных оперативных материалов.

Полностью выдерживая линию поведения, связанную с «меркантильными наклонностями агента», контрразведчики, чтобы не вызвать никаких подозрений у ЦРУ, были обязаны довести игру до логического конца. К тому же американцы постоянно информировали Плавина о значительной денежной сумме, хранящейся на его счете в одном из американских банков. В конце 1990 г. «агент» в качестве туриста выехал в Финляндию, где опустил в почтовый ящик посольства США заранее подготовленное письмо, в котором обуславливалась необходимость личной встречи с сотрудниками американской разведки на территории третьей страны.

На следующий год состоялась поездка в Швецию и посещение посольства США, где Плавина уже с нетерпением ждали. С ним встретился представитель посольства по имени Питер и сотрудник ЦРУ Чарльз Левин. Американцев интересовали вопросы политической ситуации в стране, в особенности – реакция населения на события ГКЧП, его последствия и отношение россиян к Борису Ельцину. В конце визита оговорили условия финансовых взаиморасчетов и назначили очередную встречу. «Агент» получил 3000 долларов и 1000 шведских крон.

Через год, опять в Стокгольме, Плавин снова встретился с кураторами из ЦРУ и получил еще 10 тыс. долларов. Летом 1994 г. – очередная встреча в Швеции, получено еще 25 тыс. долларов и 12 тыс. крон. Наконец, осенью 1995 г. Плавин приезжает в Финляндию, где на встречу с ним выходит сотрудник ЦРУ по имени Жанна – тридцатилетняя голубоглазая дама, прекрасно владеющая русским и немецким языками. Встреча стала официальным завершением сотрудничества Плавина с американской разведкой. По просьбе Жанны «агент» подписал на русском и английском языках уведомление о прекращении конспиративных контактов, после чего стороны отметили сей знаменательный момент бутылкой финской водки и дополнительным гонораром в 25 тыс. долларов. Кроме того, Жанна сообщила Плавину, что на его счету в США лежит еще 52,2 тыс. долларов, заработанных ранее, и для их перевода необходимо открыть счет в одном из финских банков.

Примечательно, что когда впоследствии Плавин поехал в Финляндию забирать переведенные на его счет деньги, то на состоявшейся в столичной гостинице очередной встрече с Жанной та вручила ему премию в 20 тыс. долларов. Американская разведка высоко ценила своего «информатора».

Всего же «агент» получил от Лэнгли 53,5 тыс. руб. (официальный курс по тем временам составлял от 0,6 до 0,8 коп. за одну единицу американской валюты), а также 125 тыс. долларов.

Когда я задал Михаилу Моисеевичу вопрос о том, что он сделал со всем этим богатством, он ответил: «По акту сдал их сотрудникам контрразведки. А они должным образом оформили их получение и почти на всю сумму закупили высококлассное компьютерное оборудование, принтеры, сканеры и другую оргтехнику, укомплектовав ею свою службу. Если бы мои кураторы из ЦРУ узнали, на что были истрачены их деньги, наверное, позеленели бы от злости. Кстати, в июле 1998 г. мне еще раз пришлось съездить в Финляндию и снять со счета послед-

ние десять тысяч долларов с набегавшими процентами. Но с разведчиками из ЦРУ я больше не встречался».

В итоговой справке по операции, содержащейся в архивном деле, указано, что в ходе ее проведения выявлено 26 сотрудников ЦРУ, участвовавших в агентурных акциях, и 36 тайниковых мест для закладки контейнеров, из которых 28 в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и 8 в Москве. Также было установлено значительное количество мест, которые были выбраны сотрудниками американской разведки в Москве и Ленинграде для использования в качестве тайников и пр. От американцев получено 38 подставных адресов в США и 29 специально подготовленных открыток для нанесения фототайнописи на подставные адреса в других странах. ЦРУ передало «агенту» 3 вида фотопленок для нанесения тайнописи, 2 закамуфлированных под ингаляторы фотоаппарата, 2 флакона с жидкостью для проявления тайнописи, 6 шифроблокнотов, электронный прибор для преодоления помех в эфире и т. п.

И это далеко не полный перечень того, что вошло в результаты оперативной игры, на материалы которой наложена резолюция: «Материалы оперативной игры “Шторм” хранить вечно».

В свою очередь, главный герой атомного «Шторма» Михаил Плавин за время ее проведения был удостоен орденов Красной Звезды (июль 1976 г.) и Трудового Красного Знамени (август 1986 г.), знака «Почетный сотрудник КГБ СССР», грамоты председателя КГБ СССР и неоднократно поощрялся денежными премиями.

Были и другие оперативные мероприятия и дела Ленинградского управления, которые по своим результатам и методике решения контрразведывательных задач вошли в историю работы питерских чекистов.

В октябре 1962 г. ленинградские чекисты захватили с поличным помощника военноморского атташе США в Ленинграде Р. Смита, который интересовался предприятиями ВПК в городе. При личном обыске у него обнаружили специальную аппаратуру для скрытой съемки и звукозаписи. Следует отметить, что традиционно военно-морские разведчики западных государств проявляли интерес к судостроительным заводам в городе на Неве и до Октябрьской революции, и, особенно, после нее.

Спустя десять лет, в 1972 г., были задержаны еще два американских дипломата – Мэнтроп и Кайм. В сентябре 1983 г. взят с поличным при совершении действий, несовместимых с его официальным статусом, вице-консул США в Ленинграде Аугустенборг. Он был арестован в пригороде Ленинграда в момент изъятия из шпионского тайника контейнера с интересовавшими американскую разведку материалами.

В 1996 г. сотрудниками Управления был задержан связник шведской военной разведки Ханс Петер Гордстрем. Во время заранее назначенной встречи с российским гражданином, завербованным ранее, Гордстрем получил контейнер в виде матрешки с непроявленной фотопленкой, которая содержала 23 кадра с снятыми секретными документами. Взамен он передал российскому гражданину 2 тыс. долларов США. Сразу после «сделки» оба были задержаны контрразведчиками.

В ноябре 1995 г. питерскими чекистами был арестован бывший офицер Федерального Агентства Правительственной связи и информации (ФАПСИ) подполковник А. А. Дудин, вступивший в преступную связь с германской разведкой БНД с целью передачи особо защищаемой информации, представляющей государственную тайну. Тем самым была предотвращена попытка нанесения серьезного ущерба безопасности нашего государства. Военным судом за совершенное преступление предатель был приговорен к длительному сроку лишения свободы.

В 2005 г. сотрудниками Управления был разоблачен агент спецслужб Эстонии, который осуществлял сбор секретной информации о российских разработках в сфере военного кораблестроения. На следующий год была пресечена попытка использования международного

канала страноведческой и языковой подготовки кадров в интересах национальных разведывательных органов США³.

Примером контрразведывательного искусства стало проведение комплекса оперативных и следственных мероприятий по изобличению агента ЦРУ США Павлова. Детальный разбор проведенных чекистских мероприятий по данному делу стал учебным пособием в системе профессиональной подготовки чекистов. Участники тех событий вошли в число сотрудников, составляющих легендарную историю органов безопасности на Неве.

И вновь для рассказа о «делах минувших лет» мы обратимся к творчеству журналистов, профессиональных работников пера, Андрею Копланову и Андрею Юдину. И побуждает нас к этому, во-первых, то, что они дают литературное описание хода реализации оперативного, а затем уголовного дела достаточно интересно и с эмоциональной окраской. Во-вторых, опубликованный текст рассказа тщательно выверен с точки зрения соблюдения государственной и служебной тайны.

³ «Большой дом» без грифа «секретно». 2-е изд. М.: Русь, 2012. С. 57.

«Инициативник», или «Игры патриота»

К середине 70-х годов прошлого века сотрудники Управления КГБ по Ленинграду и области столкнулись с новым, дотоле практически неизвестным явлением. Политика «разрядки напряженности» (на западный лад – «детанта»), расширение самых разнообразных контактов с государствами Запада, научные и технические обмены, участвовавшие заграникомандировки и посещение ряда крупных российских городов западными туристами привели к появлению так называемых «инициативников». Так на чекистском сленге называли тех наших сограждан, кто всеми правдами и неправдами искал выходы на представителей западных спецслужб, чтобы предложить свои услуги для шпионажа против собственной Родины. На основе личной выгоды.

Их было немного. Но они были. И появление этих «инициативников» служило тревожным признаком. Признаком серьезного кризиса моральных ценностей социалистического общества. Признаком распада Системы.

...В апреле 1992 г. в консульство Соединенных Штатов Америки в Санкт-Петербурге вошел человек, которого можно смело назвать «инвалидом холодной войны».

Рольф Дениэл – спецгент

История падения

Эта история началась в далеком 1981 г. Тогда советский инженер-атомщик Юрий Павлов еще не стал агентом, которому кураторы из Си-Ай-Эй присвоили псевдоним «Рольф Дениэл». Он еще не рисовал губной помадой условные знаки на стенах ленинградских домов, не пересчитывал иностранные купюры, не заполнял каллиграфическим почерком листы бумаги и не учился закладывать украденную информацию в тайники.

Юрий Васильевич Павлов, выпускник физико-механического факультета Ленинградского политехнического института, много лет проработал в организациях, так или иначе связанных с советским Военно-морским флотом и созданием надводных и подводных кораблей. Что подтолкнуло его к действиям, которые он предпринял в дальнейшем, можно только гадать. Пересмотр убеждений? Кризис среднего возраста? Желание добавить перца в жизнь, которую он считал пресной? Стремление выбить себе любыми путями «место под солнцем», достойное его талантов? Авантюризм?..

Помните, что это был за год? Эпоха Брежнева, самый ее излет. Сейчас ее называют «годы застоя». Впереди, совсем не за горами, маячило то, что позже с сарказмом будет названо «пятилеткой пышных похорон».

Трудовая деятельность Юрия Павлова началась при другом правительстве – Никите Сергеевиче Хрущеве, который твердо заверил с трибуны партийного съезда, что коммунизм в СССР будет построен уже в 1980 г. Советским людям оставалось жить, трудиться и верить. Казалось, все к тому и идет: мир восхищенно рукоплескал первому космонавту Юрию Гагарину, молодежь поднимала целину, а чиновники от культуры уже не повторяли вздорное: «От саксофона до ножа – один шаг!»

За переменами в жизни страны Павлов наблюдал из «далекого, но нашенского города» – после окончания Политеха он получил диплом инженера по разработке корабельных ядерных паропроизводящих установок и был распределен во Владивосток. Отсюда в 1961 г. молодой специалист отправился на корабле «Витязь» в свою первую научно-исследовательскую экспедицию. Ему довелось побывать в Японии, на островах Фиджи, Таити и на Гавайях. Даже произнести эти названия вслух – уже счастье!..

Через некоторое время Павлов возвращается в родной Ленинград и устраивается на работу в главное управление Морского регистра СССР. Здесь за пять лет он вырастает до главного инженера-инспектора атомной инспекции. Хрущев к тому времени уже снят со своего поста «группой товарищей» и мирно живет персональным пенсионером на правительственной даче. Повторять его слова, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», никто из вождей больше не решается. В народе все чаще звучит поговорка «красиво жить не запретишь», а советские нувориши к середине 70-х годов перестают прятать свое богатство от людских глаз.

Казалось бы, у Павлова нет причин быть недовольным. Работа в Морском регистре СССР предполагает заграничные командировки. Павлов включен в рабочую группу по разработке международного кодекса по безопасности мореплавания атомных судов. Он четырежды побывал в Лондоне, выезжал в Оттаву, Гамбург и Геную. Большинство его сограждан о таких поездках в «мир капитализма» даже не мечтают – их удел просмотр телепередач «Клуб кинопутешествий» и «Международная панорама».

Тем не менее Юрий Васильевич недоволен. «Даже заняв руководящий пост и став одной из центральных фигур в инспекции Регистра, – рассказывал он на следствии, – я не был удо-

влетворен, прежде всего материально». Встречаясь со своими иностранными коллегами-учеными, Павлов отметил, что они живут гораздо зажиточней. Вдобавок ему никак не удастся защитить кандидатскую диссертацию, которая сулит пусть скромную, но прибавку к зарплате.

Осенью 1981 г. Павлов резко меняет свою жизнь. Из Морского регистра он переходит на работу в Арктический и Антарктический НИИ Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды. Причина банальна: институт отправляет свои научно-исследовательские суда в заграничье, за которые выплачивают валюту.

...В качестве начальника радиохимической лаборатории Юрий Васильевич Павлов поднялся на борт научно-исследовательского судна «Профессор Визе», чтобы отправиться в заграничье в составе экспедиции Госкомгидромета.

«Профессор Визе» был превосходным судном. Скорость – 18 узлов, длина – 124 метра, ширина – 17,5 метра. Водоизмещение – 7 тысяч тонн, экипаж – 86 человек. На верхней палубе – шлюпки, глубоководные лебедки, научное оборудование, установки для запуска метеорологических ракет, есть даже стол для пинг-понга. Научные и прочие совещания проводятся в конференц-зале. В каютах с вентиляторами и кондиционером живут по два-три человека. Всюду в изобилии душевые. На судне установлены даже «успокоители» качки – о морской болезни здесь и не слыхивали.

Судно от киля до клотика было начинено всевозможными лабораториями, где проводились метеорологические, физические, химические, биологические и прочие научные исследования, что делало «Визе» уникальным полярным судном и предметом особой гордости Ленинградского арктического и антарктического института.

Письмо в никуда

«Балтика была спокойна, мы раскланивались со встречными судами и миля за милей приближались к датским проливам. Их ожидали с особым нетерпением: чье сердце не дрогнет при мысли о том, что ты собственными глазами увидишь замок Гамлета, легендарный Эльсинор?..» – записал в своем дневнике один из участников рейса на «Профессоре Визе», находясь в первом своем походе на этом судне. Некоторые сердца, как выяснилось, не дрогнули.

Ученые всегда отличались свободомыслием, везде и во все времена. Те, что собрались на борту «Профессора Визе», не были исключением. Анекдоты, разговоры о политике, резкая критика правящего режима – все это, как говорится, имело место. Но почему же предателем стал именно он, Павлов?..

Первым иностранным портом на пути «Профессора Визе» стал норвежский Олесунн. Как только судно ошвартовалось, экипаж и ученые отправились побродить по городу – заглянуть в магазинчики, приобрести сувениры, прогуляться по набережной, где совсем не чувствуется качка.

Вместе со всеми отправился и Юрий Павлов. Однако цель его похода была совсем иной. Он не приценивался к товарам, не любовался неброской красотой северных берегов. Он искал контакты. Контакты с представителями иностранных государств.

И, как ему казалось, нашел. Гуляя по тихому норвежскому городку, Юрий Васильевич набрел на здание консульства Федеративной Республики Германии. Но внутрь Павлов благоразумно решил не заходить. Он спешно вернулся на теплоход и, закрывшись в своей каюте, начал писать. Результатом стала отнюдь не научная статья, не дневниковые записи о пройденных милях и даже не письмо домой. Юрий Васильевич предлагал свои услуги спецслужбе ФРГ. К письму он приложил дальнейший маршрут «Профессора Визе» и свой словесный портрет, чтобы его могли опознать при встрече.

Позже, уже после разоблачения, Павлов, разумеется, станет уверять, что предательство ни в коем случае не входило в его планы. Все это он якобы затеял исключительно для того,

чтобы, вступив в контакт с западными спецслужбами, поставить об этом в известность Комитет госбезопасности и начать контригру – «гнать» иностранным разведкам дезинформацию... Вот только первая и вторая части его плана очень сильно разошлись во времени. К тому же в письме, которое он сочинил на борту «Профессора Визе», свое стремление вступить в контакт с представителями ФРГ он мотивировал совсем иначе – ненависть к Советской власти и материальные затруднения.

Напомним, это был 1981 г. Закат эпохи Леонида Ильича Брежнева.

...В своем письме в консульство ФРГ, чтобы заинтересовать собой немецкую разведслужбу, Юрий Васильевич вполне по законам рынка «показал товар лицом». В частности, подробно рассказал об активных зонах ядерных реакторов советских атомных подлодок. Намекнул, что осведомлен о ведущихся в СССР разработках по поиску американских атомных субмарин по радиоактивному следу. (Все эти сведения он собрал, когда работал в Морском регистре СССР и постоянно встречался с «закрытыми» учеными, судостроителями, флотскими офицерами.) Наконец, Павлов упомянул о работах по проектированию новейших советских подлодок и боевых кораблей. На такую жирную «наживку» должны были непременно клюнуть те, на кого он рассчитывал.

Сведения, разглашенные Павловым, содержали государственную тайну. Мог ли он об этом не знать? Вопрос сугубо риторический. И неужели он всерьез вообразил себя Штирлицем, ловко обыгрывающим и немецкую Федеральную разведслужбу, и британскую Интеллидженс Сервис, и, конечно же, «тупоголовых янки» из ЦРУ? «Еще в шестидесятых годах я мечтал о работе в органах госбезопасности, – сообщил Павлов следствию. – Стремление это появилось у меня еще в юношеские годы, и я не раз обсуждал его со своим отцом – кадровым чекистом. Позже я советовался на этот счет с друзьями отца, обращался в Управление КГБ СССР по Ленинградской области».

Однако при попытке поступить на службу в органы госбезопасности Павлов не прошел медкомиссию – подвело зрение. Впрочем, с чекистами Юрий Васильевич старался поддерживать добрые отношения. Возвращаясь из-за границы, где он участвовал в международных конференциях и симпозиумах, Павлов писал подробные отчеты в «компетентные органы», сигнализируя о поведении своих коллег.

А сейчас, отправив письмо в консульство, он замер в тревожном ожидании.

Но шли дни, научно-исследовательская экспедиция завершилась, а никто в его отношении никаких действий не предпринимал и на связь с ним так никто и не вышел. В чем же причина? Его сведения уже известны тем, кто собирает разведданные о Советском Союзе? Его сочли шизофреником или «подставой» КГБ? Он терялся в догадках.

В середине марта 1982 г. «Профессор Визе» отправился в очередной рейс. Судно вышло из ленинградского порта, взяв курс на Гамбург.

Во время стоянки на контакт с Павловым никто не вышел.

Сойдя с судна в порту, все, кому на этот раз посчастливилось быть в увольнении, организовано устремились в торговые центры. Собрался за покупками и Павлов – его группа отправилась в недорогой универмаг «Карштадт». Там-то, среди толпы покупателей, к нему и подошел неизвестный. В качестве опознавательного знака он предъявил Павлову конверт письма, которое тот отправил в консульство ФРГ в Оленсунне.

Пожилой мужчина заговорил первым. Выяснив у Павлова, куда направляется в дальнейшем судно, он пообещал поговорить подробнее уже в Санта-Крус-де-Тенерифе. Затем незнакомец растворился в толпе, предварительно вложив в руку Павлова конверт.

Возвратившись на борт «Профессора Визе», Павлов уединился в каюте и вскрыл конверт. Оттуда выпал ворох радужных купюр – 800 дойчмарок.

Вскоре судно продолжило свой рейс, взяв курс на Южную Америку. Потянулись будни, заполненные работой. Иные берега, смена впечатлений, новые виды, новые надежды...

Канары, Рио, предательство

На Канарские острова «Профессор Визе» пришел 12 мая 1982 г. Здесь произошла вторая встреча Павлова с «пожилым» – так он его для себя окрестил.

На этот раз, дважды попавшись Павлову на глаза на одной из шумных улочек и в автобусе по дороге из города в порт, незнакомец незаметно передал пакет, в котором содержалось послание.

Павлову предлагалось остаться за границей навсегда. Был в конверте и очередной «гоно-рар» – 300 дойчмарок, 150 гульденов и 4000 испанских песет (словно «пожилой» пошарил по своим карманам и скинул всю мелочь).

Павлов не ожидал столь крутого поворота. Уйти с судна он не решился.

Прощаясь, «пожилой» снова не оставил ему никакого конкретного задания. Как, впрочем, и никаких координат для связи. Павлов снова терялся в догадках: доверяют ли ему, интересен ли он тем, с кем рассчитывал войти в контакт. Да и состоится ли вообще новая встреча?

Судно возвратилось в Советский Союз. На контакт с Павловым никто не выходил.

...В ноябре 1982 года Павлов должен был отправиться из Ленинграда в следующую экспедицию – на этот раз на судне «Профессор Зубов». Чем ближе была дата ухода судна, тем беспокойнее он себя вел, одновременно боясь расплаты за то, что уже совершил, и теряясь в догадках, почему те, кто встречался с ним, ведут себя так осторожно и пассивно.

Ему оставалось только ждать. И он все-таки дождался.

Контакт состоялся, когда судно пришло в Копенгаген. «Пожилой» встречал своего советского подопечного в порту. Чему Павлов был крайне удивлен, ведь о заходе в Данию он не предупреждал, о дате следующей встречи не договаривался. Для Павлова оставалось загадкой: откуда «пожилой» мог узнать о том, что он сменил судно? Ведь прежде он выходил в экспедиции на «Профессоре Визе».

«Пожилой» поинтересовался (это постепенно становилось доброй традицией), нуждался ли Павлов в деньгах. При расставании он вручил сложенный вдвое лист бумаги и, мягко улыбуясь, попросил Юрия Васильевича ответить на содержащиеся в нем вопросы.

Вопросы были разные. Часть носила сугубо личный характер. Другие касались служебной деятельности. В частности, составителей анкеты интересовал уровень образования Павлова, включая и политическое, места жительства (просили перечислить все города, в которых Павлов жил и работал), а также список предыдущих мест работы и адрес постоянного проживания. Не нужно было быть выдающимся аналитиком, чтобы сообразить: на основе этих данных пытались определить его ценность как агента.

На следующий день к Павлову подошел высокий светловолосый мужчина, который должен был забрать заполненную анкету (он получил от Павлова прозвище «молодой»).

А когда судно пришло в Бразилию и отшвартовалось в Рио-де-Жанейро, Павлова уже ждали. Встречал его «молодой». Впервые с того момента, когда Павлов вступил в контакт с иностранной спецслужбой, ему передали список вполне конкретных «технических» вопросов. Их было несколько десятков. Почти все касались кораблей советского Военно-морского флота. В первую очередь атомных – надводных и подводных. В частности, составители вопросника очень хотели знать мощность ядерной установки крейсера «Киров», а также советских атомных подлодок водоизмещением более тридцати тысяч тонн. Интересовали их и подробности аварии на одном из ядерных объектов на территории Советского Союза. Кроме того, его попросили рассказать о некоторых особенностях управления реакторами.

Позже задержанный и разоблаченный Павлов, давая показания, признается следователю УКГБ, что он не думал, что ему «так быстро придется отвечать на столь обширные вопросы»...

Передан... по наследству

15 февраля 1983 г. научно-исследовательское судно «Профессор Зубов» пришло в уругвайский порт Монтевидео. Здесь Павлов снова встретился с «молодым». Ему была передана очередная сумма в валюте, а также письмо, в котором Павлов уведомлялся о том, что впредь ему предстоит работать с представителями американской разведки. В общем, его передали с рук на руки, как наскучившую подружку, тем, кому он показался более интересным. Ведь у западных немцев не было боевого океанского флота. То ли дело США...

На отдельном листе американцы по-бухгалтерски подробно расписали условия сотрудничества с американцами. На его банковский счет, судя по уведомлению, должны были ежемесячно перечисляться по 2 тыс. долларов, кроме того, по 10 тыс. долларов за каждый год работы. Обещались даже отдельные премии (тоже по 10 тыс. долларов) за выполнение «особо важных заданий».

Сам акт передачи агента произошел достаточно буднично. На следующий день, во время прогулки по городу, «пожилой» представил Павлова его новому куратору – коллеге из ЦРУ. Павел (так назвался американец) прилетел в Монтевидео специально для встречи с Юрием Васильевичем.

«Пожилой» передал американцу конверты с результатами ночных «писательских трудов» Павлова и поинтересовался, нуждается ли «русский друг» в деньгах. Юрий Васильевич предложил переводить деньги на его счет, открытый за рубежом. И вновь получил конверт – с очередным списком вопросов и 900 долларами.

Как позже заявлял Павлов на следствии, «кажется, тогда я впервые понял, что такое страх. От меня требовали важных сведений в пользу разведок Соединенных Штатов и Германии. Я понял, что зашел очень далеко».

Следующую стоянку «Профессор Зубов» сделал в апреле на острове Маврикий. В Порт-Луи Павлова встретил связной-мексиканец. Он забрал у Юрия Васильевича листок с подробными ответами на поставленные вопросы и передал очередное письмо-наставление от ЦРУ. Новые хозяева были более напористы, чем западные немцы. Они весьма настойчиво интересовались, какую форму допуска Павлов имеет и к какой именно информации, в каком виде она хранится, есть ли у него возможность оставаться с секретными документами наедине. У Павлова требовали также данные на всех его знакомых, которые по долгу службы имели доступ к военным секретам. Здесь же, в письме, были адрес и номер телефона для связи и вхождения в контакт во время зарубежных экспедиций Павлова – «Нью-Йорк, 112063, США».

Американцы сочли своего агента ценным кадром. Павлову был присвоен оперативный псевдоним – «Рольф Дениэл». Впредь в контактах с представителями ЦРУ ему предлагали называть себя именно так. «Никогда не упоминайте Вашего подлинного имени ни в телеграмме, ни по телефону, а только – Рольф Дениэл». Кроме того, ему присвоили еще и персональный номер – «2». Этой цифрой Павлов должен был помечать в условных местах в Ленинграде, что он готов к изъятию и закладке контейнеров.

Отвечая на вопросы новых хозяев, Павлов начал перечислять различные «закрытые» конструкторские бюро и НИИ, а также козырять именами видных ученых, которые якобы высоко ценили его способности. В общем, занялся откровенной саморекламой. Он пытался создать о себе мнение как о перспективном объекте вложения средств. В частности, сообщил совершенно секретные данные о подводных лодках. Излишне говорить, что на тот момент они составляли государственную тайну.

Вскоре «Профессор Зубов» бросил якорь в датском Копенгагене. Здесь свежее испеченный агент ЦРУ получил от своих кураторов блокнот с тайником. В переплет были заделаны инструкция и предупреждение о том, что он должен ждать важного задания.

Советскую таможеню Юрий Васильевич миновал благополучно. Но с этого момента за ним постоянно, но очень ненавязчиво наблюдали. Сам Павлов, не подозревавший о том, что попал в сети не только иностранной спецслужбы, но и ленинградского УКГБ, оставался на свободе только потому, что задержать его сейчас значило «обрубить концы» и лишиться возможности выйти на тех, кто «дергает за ниточки», – на его зарубежных хозяев. Сам же он был не более чем разменной фигурой в шахматной партии. Причем роль ему хозяева отвели незавидную. Как дешевому одноразовому изделию.

Зачем агенту губная помада?

Летом 1983 г. в самый центр Ленинграда, на Владимирскую площадь, выехала бежевая «хонда» с дипломатическими красными номерами. За рулем сидела молодая миловидная женщина. Дама припарковалась, поставив машину багажником к тротуару (для того, чтобы удобнее было выезжать), а сама отправилась на Кузнечный рынок. Безобидная, в общем-то, сценка...

На самом деле она означала, что агенту ЦРУ Рольфу Дениэлу необходимо срочно выехать в Москву – там его ждут новые инструкции.

Оперативники КГБ, которые вели наружное наблюдение за «Рольфом Дениэлем», отметили, что он нарушил инструкции своих хозяев: не стал, как ему было предписано, наблюдать за положением автомобиля, проезжая в троллейбусе по Владимирской площади, а пришел на место пешком, причем со стороны Невского проспекта.

«Прочитав» условный знак, Рольф Даниэл отправился в Москву. Контакт поздним вечером в Измайловском парке. Здесь четырьмя днями ранее сотрудники посольской резидентуры Алекс Гришек и Филип Рейнолдс, вымокнув под проливным дождем буквально до нитки, заложили на берегу пруда шпионский контейнер. Внешне он ничем не отличался от увесистого камня, но внутри был набит аппаратурой и документами. Рольф Дениэл извлек оттуда шифровальные блокноты, таблетки для тайнописи, 1000 рублей на карманные расходы, расписание радиосеансов.

Самым любопытным было устройство для приема радиосообщений на обычный «бытовой» радиоприемник. Это был последний писк шпионской моды – «технари» из ЦРУ придумали новый метод с использованием аппаратуры, работающей в режиме быстрогодействия. Иными словами, шифрованный текст, для передачи которого требовалось, скажем, несколько минут, сначала искусственно «сжимали», а затем буквально за доли секунды «выстреливали» в эфир. Поэтому контрразведчикам было труднее его засечь.

Но расшифровать такие передачи можно было только с помощью специальной приставки. Она обеспечивала прием и передачу радиোগрам в автоматическом режиме. Даже в отсутствие агента.

Кроме того, в «булыжнике» Павлов нашел новый план связи с эскизами упомянутых в нем ленинградских мест, подробные инструкции и, разумеется, новый вопросник для сбора информации.

Однако первым с содержимым контейнера ознакомился вовсе не Павлов-Дениэл.

Первыми его изучили контрразведчики КГБ.

Павлову позволили беспрепятственно забрать шпионский контейнер и возвратиться в Ленинград. Там, в условленном месте, он выставил сигнал о получении инструкций и снаряжения.

Затем он взялся за изучение инструкции.

«Дорогой друг, – сообщали кураторы из Лэнгли, – в этом пакете мы снабдили Вас всеми необходимыми материалами для передачи нам важной информации. Просим Вас как можно скорее дать сигнал о благополучном изъятии этого контейнера».

В полученных инструкциях речь шла о конкретных заданиях, которые надлежало выполнить Дениэлу: «Первое приложение. Описание места «вход в Ленинграде». От метро «Гостиный Двор» езжайте трамваем № 2 или № 3 по Садовой улице по направлению к Неве. Сойти из трамвая немедленно после того, как переедете Мойку. Вернитесь к Мойке, поверните налево и идите к Фонтанке. Перейдите через мост Пестеля и продолжайте идти по южной правой стороне улицы Пестеля. После того как улица повернет налево, а потом направо, Вы увидите сводчатый проход, у которого справа обозначен адрес “дом 11, улица Пестеля”. После 21:00, когда никого не будет, войдите в проход и пометьте ваш сигнал темным карандашом, губной помадой или подобным веществом, на левой, внутренней стороне каменной стены. На уровне пояса, на 20 см вглубь от тротуара».

Сигнал предлагалось расположить таким образом, чтобы он был виден из машины, перемещающейся по улице Пестеля в восточном направлении. Как только сигнал будет нанесен на стену, Рольфу Дениэлу предписывалось немедленно покинуть район.

Места постановки сигналов были выбраны не случайно: все они располагались на маршруте, по которому работники генконсульства США, проживавшие в Ленинграде, добирались до места своей работы.

В контейнере также находилось несколько писем, составленных якобы от имени американских туристов, побывавших недавно в СССР. Письма предлагалось использовать для переправки зашифрованных сообщений по почте.

Были в контейнере также и очередные «Информационные задания». В вопроснике предлагалось «составить список всех сотрудников конструкторских бюро, производственных предприятий и районов испытаний, о которых Вам известно, что они связаны с военно-морскими научными исследованиями».

«О каких военных надводных и подводных атомных кораблях Вам известно, сообщите их данные».

«Опишите подробно подводные лодки “Золотая рыба”, “Тайфун” и “Акула”».

Всего вопросник, разработанный в штаб-квартире ЦРУ, содержал 44 вопроса, касающихся разработки и тактико-технических характеристик кораблей советского ВМФ.

Провал Аугустенборга

Ответы на часть вопросов из контейнера, полученного в Измайлово, Рольф Дениэл сумел подготовить только к началу сентября.

Вечером 10 сентября он сел в рейсовый автобус Ленинград – Зеленогорск и отправился в условленное для закладки контейнера место – на сороковой километр Приморского шоссе. Именно этот адрес содержался в инструкции ЦРУ. Приморское шоссе выбрали не случайно: сотрудники американского генконсульства добирались по нему до своей дачи в Зеленогорске. Вдобавок местность вокруг была открытой и хорошо просматривалась со всех сторон. Подойти сюда незамеченным было практически невозможно.

Кроме того, рядом располагалась автобусная остановка, где можно было, не привлекая внимания, наблюдать за происходящим.

К остановке и от нее постоянно передвигались люди. В начале сентября в этих местах всегда оживленно: гуляют отдыхающие из окрестных санаториев, рыщут по лесу грибники...

В качестве контейнера для собранной информации Рольф Дениэл решил использовать консервную банку, которую завернул в промасленную ветошь. Такие тряпки нередко валяются у обочины. Посторонний, находясь в здравом уме и твердой памяти, подобную «посылку» даже в руки не возьмет, чтобы не испачкаться...

Чем меньше оставалось времени до «часа X», тем больше нервничал Рольф Дениэл. Он вышел из автобуса и побрел к знаку, возле которого ему предстояло заложить тайник. По

дороге он озибался по сторонам и несколько раз прошел мимо нужного ему столба... Заложив контейнер, Павлов возвратился в город и отправился на проспект Добролюбова, которому было присвоено кодовое название «Добро». Здесь в условленном месте он нанес помадой цифру «2». Это означало: «Информация заложена, можно забирать».

К тому времени были взяты под плотный контроль сотрудники резидентур ЦРУ в Москве и Ленинграде, которые работали с «Рольфом Дениэлом».

Неудачный исход операции оперативники УКГБ исключали напрочь. Сказать, что работа для этого была проведена огромная и в самые сжатые сроки, – все равно, что не сказать ничего. Спустя всего несколько часов, после того как Павлов заложил свою информацию в тайник, в одном из районов Ленинградской области, местность которого до мелочей походила на место проведения операции, был оборудован полигон. Здесь немедленно приступили к тренировкам будущие участники захвата.

Главный упор чекисты сделали на внезапность и скрытность. В Большом доме создали временный штаб, куда немедленно поступала вся информация. В его состав вошли руководители подразделений С. Е. Мануйлов и Ф. А. Мясников. Для участия в операции из Москвы прибыла спецгруппа во главе с генерал-майором Рэмом Красильниковым, начальником первого («американского») отдела Второго главного управления КГБ СССР. Оперативники работали всю ночь напролет. Не уходил из своего кабинета и начальник Управления генерал-лейтенант Д. П. Носырев. Однако окна всех кабинетов, выходящих на Литейный проспект, были, как обычно по выходным, непроницаемо темны, а само здание выглядело спящим.

Незаметная постороннему глазу работа велась и на Приморском шоссе. Непосредственно под тем местом, где «Рольф Дениэл» должен был заложить шпионский контейнер, сотрудники КГБ вырыли и оборудовали три бункера. При этом чекисты строго соблюдали конспирацию – место оживленное, по шоссе постоянно движется транспорт. Про сложность и уникальность операции говорит тот факт, что за ночь оперативники выкопали и вынесли 800 (восемьсот!) мешков земли. Причем настолько аккуратно, что на поверхности не осталось ни одного комочка потревоженной почвы, не был сдвинут с места ни один камень. Во многом помогла и русская смекалка. Например, для прокладки телефонного кабеля был использован... терьер, домашний любимец одного из оперативников.

А потом в бункер засела группа захвата. В засаду на долгие-долгие часы. Выдай они себя звуком или движением – и операция могла сорваться. А у них над головами бродили грибники, сновали к остановке и обратно пассажиры пригородных автобусов. И никто из них ничего не заметил...

Утром следующего дня, 11 сентября, сотрудник генконсульства США Ричард Мюллер отправился на своем автомобиле в сторону проспекта Добролюбова. Возле условленного места он вышел, «считал» выставленный знак, снова уселся в машину и покатыл в сторону Зеленогорска. Туда, где еще с пятницы отдыхал со своим семейством его коллега, вице-консул Лон Дэвин Аугустенборг, по совместительству – сотрудник оперативной резидентуры ЦРУ в Ленинграде.

Примерно через сорок минут после приезда Мюллера на дачу из ее ворот выехала бежевая «хонда». В ней находились сам господин вице-консул, его супруга Дениз и их двухлетняя дочь. Семейство Аугустенборгов почему-то внезапно приняла решение возвратиться в город. Неподалеку от пансионата «Дюны» машина остановилась, открылась дверца, и на обочину вышла супруга дипломата. Та самая посетительница Кузнечного рынка. В руках она держала детское одеяльце... Миссис Аугустенборг развернула его, намереваясь вытряхнуть, но вытряхнула весьма неудачно – одеяло как бы случайно выскользнуло из рук и упало. Причем точно накрыв валявшуюся под столбом промасленную тряпку. Всплеснув «от досады» руками, дама подняла одеяло, заодно захватив и ветошь с жестянкой.

Когда она попыталась сесть в машину, рядом с ней (в буквальном смысле – из-под земли) выросли суровые мужчины. Не ожидавшая их появления Дениз сильно перепугалась. Сначала

она судорожно прижала к себе одеяло, но секунду спустя уже опомнилась и попыталась отбросить в сторону. Однако была вежливо, но крепко схвачена за руки. Тем временем Аугустенборг, оставшийся в машине, попытался скрыться с места происшествия – он даже не собирался помогать своей супруге. Но далеко уехать ему не дали.

(Кстати, кинокамера, на которую сотрудники КГБ вели оперативную съемку задержания, ныне хранится в филиале Государственного музея политической истории.)

Взятых с поличным супругов доставили в Управление КГБ, в Большой дом. Надо сказать, что обходились с ними весьма предупредительно: даме, пережившей сильный стресс, вызвали медсестру, а их ребенку – няню.

Здесь, на Литейном, 4, в присутствии представителя советского Министерства иностранных дел и срочно вызванного вице-консула США чекисты вскрыли контейнер со шпионской информацией, собранной Рольфом Дениэлом. Томясь в ожидании окончания формальностей, дама постоянно повторяла, словно стараясь убедить себя: «Для того чтобы все выбросить, нужно несколько секунд. Но у меня их не было!!!» Задержание действительно было проведено блестяще. Вот и представитель генконсульства даже не попытался что-либо опровергать. Только сухо выразил сожаление по поводу произошедшего...

Собранных доказательств оказалось более чем достаточно. Уже на следующий день, 12 сентября 1983 года, обвиненный в шпионской деятельности господин дипломат был объявлен персоной нон-грата. И вместе с семьей выслан из СССР. Был вынужден бесславно вернуться в США и его шеф Ричард Мюллер.

Об удачной операции ленинградских чекистов сообщили газеты. Одна из них, «Вечерний Ленинград», попала на глаза Рольфу Дениэлу. Он пробежал глазами заметку, и его опасения скорого провала материализовались.

Бежать? Уйти в экспедицию и сойти с судна в зарубежном порту? Но кто теперь даст ему возможность выйти в рейс?..

Связь через костел

Павлов-Дениэл считал, что предоставлен самому себе. На самом деле чекисты решили оставить его на свободе, чтобы понаблюдать за его дальнейшими действиями.

Он отчаянно ищет выход из создавшейся ситуации, веря и не веря в возможность провала. Потеряв всякую осторожность, он несколько раз побывал у здания генконсульства США на улице Петра Лаврова (ныне Фурштадская), осмотрел подходы, пытаясь каким-то образом восстановить утраченный контакт со своими работодателями.

Между тем шел день за днем, а его никто не задерживал.

Тогда Павлов решает выйти на американцев с помощью... Господа Бога. Ему приходит в голову, что с иностранными дипломатами, которые в большинстве своем принадлежат к различным религиозным конфессиям, могут общаться служители костела или синагоги. И он начинает часто бывать на Лермонтовском проспекте. Впрочем, с визитом в синагогу ему явно не везет – как только он туда входит, двое молодых мужчин ненавязчиво начинают интересоваться целью его посещения. Павлов покидает синагогу и больше туда не возвращается.

Более перспективным каналом ему показался католический костел в Ковенском переулке. Сначала он издали наблюдает за мрачным кирпичным зданием с вытянутой вверх остроконечной крышей. Наконец «вычисляет» настоятеля – мужчину лет шестидесяти. После мучительных колебаний решает обратиться к нему с письмом.

«Святой отец, только крайние обстоятельства заставили меня обратиться к вам, – пишет он священнику, – поверьте, речь идет о жизни и смерти. Умоляю вас передать этот пакет в американское консульство. Только не пользуйтесь телефоном. Если у вас нет такой возможности, прошу вас все сжечь. Да поможет вам Бог».

К посланию Павлов приложил номер «Вечёрки», газеты «Вечерний Ленинград», с текстом сообщения о задержании Аугустенборга. И второй конверт – с письмом в американское консульство. Оба письма он бросил в почтовый ящик. Потянулись тоскливые дни ожидания. Однако на связь с ним никто не спешил. Тогда Павлов решил, что он попросту брошен своими покровителями. Что, в общем-то, соответствовало действительности.

Тем не менее Павлов-Дениэл никак не желала в это поверить. Отчаявшись, он решил пойти на личный контакт, уповая только на удачу и везение. 26 июня 1984 года он написал очередное письмо со слезным призывом: «Я – Рольф Дениэл. Пожалуйста, уведомите индастриел 112063, Нью-Йорк. Помогите мне!»

Обратиться напрямую к коллегам Аугустенборга – ход более чем рискованный. Но другого способа привлечь к себе внимание Рольф Дениэл не видел.

На следующий день, 27 июня, он отправился на улицу Петра Лаврова. Здесь, возле генконсульства США, Юрий Васильевич Павлов (он же «Рольф Дениэл») был задержан и доставлен на Литейный, 4, в Управление КГБ.

Следствие длилось полгода. Работой бригады следователей-чекистов руководил майор Виктор Черкесов. За участие в этой операции он был награжден орденом Красной Звезды. Боевые ордена и медали вручили еще нескольким следователям УКГБ. Их имена не разглашаются даже сегодня, спустя много лет...

Чужой для всех

Точка в этом деле была поставлена 19 апреля 1985 г. Военный трибунал Ленинградского военного округа приговорил Павлова Юрия Васильевича, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 64, п. «а» УК РСФСР, к 15 годам лишения свободы с отбыванием срока наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима, с конфискацией всего имущества и ссылкой на 5 лет.

Ущерб стране, нанесенный этим человеком, трудно выразить конкретной суммой. Миллионы рублей? Миллиарды? Еще труднее подсчитать тот ущерб, который мог быть нанесен «Рольфом Дениэлом», если бы ему удалось продолжить свою работу в пользу иностранных разведок.

По приговору суда он должен был провести за решеткой оставшуюся часть столетия. Но после августа 1991 г., когда рухнул СССР, многое изменилось. И, увы, не всегда в лучшую сторону. Произошли метаморфозы и с Павловым. «Борца с тоталитарным режимом», «выдающегося ученого, ставшего жертвой Системы»... выпустили на свободу.

В один из дней апреля 1992 г. мужчина в потертой куртке долго ходил по улице Петра Лаврова, не решаясь переступить порог консульства Соединенных Штатов Америки. После мучительных колебаний все же решился войти... И вышел оттуда буквально через минуту, после чего ушел от здания не оглядываясь.

Говорят, что еще много лет после провала Аугустенборга кто-то регулярно подновлял губной помадой сигнальную павловскую «двойку» на доме № 11 по улице Пестеля.

Зачем? А чтобы помнили... Ведь американские «дипломаты» продолжали ездить этой улицей к себе в генконсульство.

Б. А. Подопригора **Точка отсчета**

ПОДОПРИГОРА БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ – выпускник Военного института иностранных языков и Петербургского государственного университета. Участник событий в семи горячих точках. В качестве офицера взаимодействия с военными наблюдателями ООН покинул Афганистан после выхода последней советской колонны. В должности заместителя командующего федеральными силами на Северном Кавказе возглавлял «информационный фронт» в последней чеченской компании. Полковник запаса. Заслуженный военный специалист России. Лауреат творческих премий. В настоящее время – советник главы Республики Карелия.

Вместо предисловия

15 февраля 1989 г. мне, в то время офицеру взаимодействия с военными наблюдателями ООН в Афганистане, довелось участвовать в эвакуации их наблюдательного поста из примыкающего к советской Кушке афганского местечка Турагунди – пост размещался в первой со стороны границы бывшей экспортно-импортной конторе. В обязанности ооновцев входило официально удостоверить «прекращение статуса пребывания иностранных войск» по западному маршруту их вывода. Основные силы 40-й армии во главе с командармом Борисом Громовым выходили в узбекский Термез, поэтому туркменская Кушка символом завершения афганской кампании не стала. Утру 15 февраля предшествовала нервная бессонная ночь. Накануне вечером ооновцы попросили главного по западному маршруту – замкомандарма-40 генерала Николая Пищева – усилить охрану наблюдательного поста: по своей линии они получили предупреждение, что напоследок могут быть неприятности. На что генерал, меньше всего озабоченный дипломатией, насупленно бросил: «Трусите что ли? Вон, смотрите, ближайшая колонна – метров в 500» (на самом деле – в километре с гаком). Потом, слегка подобрев, кивнул в мою сторону: «С вами целый боевой майор. Чем не охрана? Давайте...»

Стрельба действительно не смолкала до утра. Скорее всего, так шурави прощались с Афганом, а не моджахедами – с шурави. Вообще говоря, кто из афганцев – за кого, в то время определить было уже трудно. Слава Аллаху, фактический контроль над Турагунди уже некоторое время осуществляли местные «договорные» туркмены, относившиеся к шурави лучше, чем к пришлому правительственному воинству.

Правительственные охранники поста думали в основном о себе: могли и уйти туда, где теплее. Так, надо сказать, и произошло в последнюю ночь. Всё, что мы могли предпринять, это запереть двери-окна и спуститься в полуподвальный туалет – решили, что стенки от кабинок сыграют в случае чего роль пулеулавливателей. Чушь, конечно, но как себя успокоить? Там, за принесёнными партами и на топчанах, коротали время кто как. Ооновцы в десятый раз перепаковывали свои пожитки, отделяли собственные от двух разновидностей казённых: сдаваемых афганцам и берущихся с собой – так, чтобы радиоточку демонтировать перед самым отъездом. Я с неистовостью ограниченного во времени фаталиста писал стихи. Попутно прикончил пару пачек сигарет: сначала каких-то «фирменных», потом НЗ, т. е. выдаваемых вместе с пайками «Охотничьих»... За 6 копеек.

...Где-то в 9.20–9.30 мимо последнего на маршруте ооновского поста прогромыхал тягач технического замыкания нашей последней колонны. В отличие от головных машин с транспарантами типа: «Встречай, Отчизна, сыновей!» или «Я вернулся, мама!», последнюю украшала самодеятельная надпись: «Ленинград – Всеволожск» (наверное, оттуда призывался последний рядовой шурави, покинувший Афган через речку Кушку). Афганские охранники – человек семь – лениво подтянулись к «посту» часам к девяти. Причем почти сразу после выхода нашей последней машины стали весьма настойчиво добиваться от меня «прощального бакшиша» – в виде автомата АКСУ. Настроения это также не поднимало, хотя до самой «ленточки» было всего метров 400. Правда, потом их внимание переключилось на подлежащую сдаче ооновскую утварь: калориферы, посуду, постельные принадлежности. Так на афганском берегу 50-метровой речки Кушки за непроглядной снежной пеленой остались, помимо самих афганцев, трое «лишних»: двое ооновцев и я. Охранники спустились «осваивать» «наш» подвал. Возникла тишина, надо сказать, жутковатая. Неужели в круговерти последних забот о нас просто забыли?

Ан нет: где-то в 9.50 со стороны границы из-за снежного занавеса вынырнули две машины – «уазик» и за ним полупустой «Урал». Затормозили у ооновского поста, задним ходом придвинулись к крыльцу, и выскочивший из «уазика» невысокий плотный майор оголтело налетел на меня с просьбой найти простыню. Тут же с подножки «Урала» соскочил клас-

сический отечественный прапорщик. По-видимому, получив взбучку за то, что своевременно не забрал ооновский скарб, он отнюдь не с благим матом приступил вместе с водителями к погрузке, и этим наблюдателей скорее воодушевил, чем смутил. На крыльце поста уже часа три стояли 3–4 объемные коробки и столько же чемоданов, которые мы по очереди охраняли. Ооовцы – ими были подполковник фиджийской армии Альфред Туатоко и канадский майор Дуглас Майр – под предводительством решительного прапорщика помогали «такелажникам» без зримо подтверждаемого осознания своей причастности к факту истории.

Кому и для чего понадобилась простыня, я не понимал и скорее автоматически вступил в переговоры с афганскими охранниками. Они тем временем вытаскивали из полуподвала коробку с утварью, оклеенную фирменной лентой с эмблемами UNGOMAP – United Nations Good Ofice Mission in Afghanistan and Pakistan – Миссии содействия ООН в Афганистане и Пакистане. Сошлись, помнится, на пачке «Уинстона», принадлежавшей канадцу, к слову сказать, весьма экономному. «Урал» столь же стремительно растворился в снежном тумане. В мозгу зафиксировалось что-то вроде: «Найдете нас на вертолетной площадке».

Приблизительно в 10.00 двинулись впятером: на переднем сидении водитель и майор с простыней и в огромных рукавицах, кажется предназначенных для аэродромного состава; на заднем – оба ооовца и я. Последнее тогдашнее впечатление об Афгане: сухой пожилой пограничник, закутавшийся в старорежимную английскую шинель. Не поднимая глаз, он что-то невозмутимо ел из алюминиевой кастрюли, сидя у черно-красно-зеленого шлагбаума, не опускавшегося за последние две недели. На мое «Худо хафез! – Прощай, Афганистан!» он нехотя взглянул из-под фуражки с широким зелёным околышем. Метров через двадцать, уже на нейтральной полосе, т. е. на самой «ленточке», машину лихо остановил советский полковник со среднеазиатской внешностью, как выяснилось – великий режиссер от природы. Он-то и вытащил майора вместе с простыней на заснеженную дорогу. Поодаль от полковника стоял его, возможно, водитель – с фотоаппаратом. Следом за майором вышли остальные. Поприветствовав ооовцев, кстати по-французски, полковник с достоинством, я бы сказал, со смаком, расстелил – благо не было метели – простынку за нашим «уазиком». Мы, русские-советские, безо всякой команды почти одновременно вытерли о нее ноги. Полковник сказал что-то матерно-хлесткое, типа: «Ну, что, ребята, кажется, войне КОНЕЦ!» Это слово у нас «обогащает» многие эмоции. Простыня так и осталась лежать на снегу...

Полковник с майором, своим фотографом и нашим водителем, куда-то торопясь, поехали к советскому берегу. Метров 50 до пограничного оцепления мы с ооовцами шли пешком. Впереди, за снежной пеленой, проступили контуры волнующейся толпы – человек полтора-раста. Наши пограничники, взявшись за руки, пытались её сдержать. Куда там! Когда до них оставалось уже метров пятнадцать, группа мужиков в камуфлированной форме прорвалась нам навстречу, размашисто повалив на снег нескольких пограничников из разорванной цепи. Оттеснив меня от ооовцев, они наперебой спрашивали: «Ты что – последний?» Пожал плечами: «Наверное». Оказалось, это ребята из днепропетровского клуба воинов-интернационалистов. Кто-то из них в декабре 1979-го первыми входили в Афганистан. Им очень хотелось за час до завершения вывода ещё раз «зайти за ленточку», хотя бы на метр, чтобы потом вместе с последним «афганцем» вернуться в Кушку. Не разрешили... Объятия, камеры, диктофоны, какая-то неуместно бравурная музыка...

Диссонансом на фоне этой нервной, спонтанной и искренней церемонии прозвучали настойчивые расспросы траурного вида женщин: «А что, обозов не будет?» Кем-то был пущен слух, что здоровых выведут через Термез, а раненых и больных повезут через «незаметную» Кушку. Около сорока женщин приехали из разных мест Союза – а вдруг врёт похоронка, и живы сын, муж или брат? И сегодня стоит перед взором очаровательная молодая женщина в дорогой шубе и с шизофреническим блеском в глазах: «Вы – из Красного креста? (По-види-

тому, аналогия с ооновцами.) Мне-то Вы скажите правду, когда повезут уродов?» На её ресницах вместе со снежинками таяла последняя Надежда Человеческая.

А дальше – самая ответственная, самая памятная фраза, которую довелось переводить за свою переводческую судьбу. На обращенный ооновцам вопрос о завершении вывода войск канадский наблюдатель ответил сухо: «The best of my knowledge, on the Western axis of Afghanistan no Soviet troops remained – Насколько мне известно, по западной оси вывода войск из Афганистана советских войск не осталось»... Раньше и потом мне доводилось переводить многих известных лиц, в том числе Клинтона, принцессу Диану, Наджибуллу, Цзян Цзэминя, Менгисту... Но эту фразу я осилил, кажется, на третьем выдохе. Ком встал в горле... На часах, на календаре было 10.20 15 февраля 1989 г.

Почти одновременно другой мост – в Термезе – пересечёт бронетранспортёр командарма Бориса Громова. А здесь, в Кушке, первый из встретившихся на советском берегу журналистов (с Центрального телевидения) получил на память копию самого документального из моих стихотворений. В нём такие строки:

*Нотный скомканный лист:
Позабыть обо всем —
Просто время пришло возвращаться.
Снег наивен и чист.
Неслепящ, невесом.
А глаза почему-то слезятся...*

Афганское десятилетие: пока живы эмоции...

Не скажешь, что ввод наших войск в Афганистан стал неожиданностью для всех. Мысли на этот счет наводил нескрываемый холод газетных строк сначала про неожиданную болезнь (читай: арест), затем про внезапную смерть (значит, убийство) «основателя и бывшего Генерального секретаря ЦК Народно-Демократической партии Афганистана, вождя саурской революции, большого друга советского народа Нур Мухамеда Тараки». Многие, привыкшие читать между строк, поняли – будут последствия...

Невостребованные журналы для политзанятий

20 декабря 1979 г. в воинскую часть недалеко от Ферганы соседи-десантники привезли несколько ящиков. На временное хранение сдавали не берущееся «в поход» политико-воспитательное имущество: грамоты-вымпелы, журналы для политзанятий и – самое ценное – бобины с кинофильмами. Сопровождавший груз старлей Жора Татур встретил среди «приемщиков» своих однокашников по Военному институту иностранных языков. Поэтому, делаясь привезенным скарбом («Один ящик – вам. Остальные заберу, когда вернусь»), намекнул: «Мы – на месяц за речку». Ему даже завидовали: повезло мужику – настоящим делом займется и за границей побывает. В единственно доступной тогда за границей – в ГДР, Чехословакии и Венгрии – могли служить, как нам говорили, особо достойные и многократно проверенные. Тем временем выражение «за речку» стало главным эвфемизмом последующего десятилетия. Тогда же всем объяснили про «американского шпиона и предателя Амина», что «второе “Чили” не пройдет». Вспоминали Испанию 1936-го как «правое дело», которое на сей раз «мы доведем до победы». Но вскоре «за речку» стали направлять уже не только романтиков.

Вы запомните нас...

Афганское десятилетие у связавших с ним свою судьбу разделило мир на два «полушария» – рассудочное и чувственное, позднее примиренные поэтической строкой: «Вы запомните нас живыми. Ну а внуки рассудят потом».

Рассудок подсказывал рациональную причину ввода войск: отдалить от советских рубежей угрозу исламизма. Парадокс состоял в том, что он стал реальностью после «антиимпериалистической революции» в Иране – у наших тогда общих с Афганистаном соседей. Именно в Афганистане, чему мы находили подтверждение, исламизм и «американский империализм» обещали сдвинуть ряды. На этом зиждилась логика глобальной конфронтации – в конечном счете так и вышло. Но тогда что-то значили и «интернациональная солидарность с братским народом», и – главное – уверенность в непобедимости своей армии. Возможность подзаработать связывали с Афганом немногие счастливицы, оказавшиеся здесь советниками: два-три дополнительных оклада в чеках-сертификатах для отоваривания в «Березках». «Мы пришли вам помочь» – почти заглавная фраза двуязычного разговорника воина-интернационалиста. Необходимость в нашей помощи подтверждалась воочию. Надо было видеть изумление друг другом при разговоре двух таджиков – советского и афганского. Такой могла быть встреча с предком из эпохи Ивана Грозного. «За сколько сатлов (деревянные полуведра-полукорыта) машина (дешевая бобовая культура) можно в Москве купить ишака?» – «В Москве нет ишаков». – «Неужели такой маленький город, что не нужны даже ишаки?». Это различие и стало фатальным. Большинство афганцев оставались в убеждении, что «эслахатэ мотараки» – «прогрессивные преобразования» – это имя божества, которого им навязывают неверные шурави.

Сегодня лишь специалисты помнят о планах возвращения советских войск в 1980-м, потом в 1981 г. Помешала сиюминутная логика: уйдем сразу, как обезопасим Кабул. Тем более что для этого достаточно вспугнуть какого-то там Ахмад Шаха по прозвищу «счастливый» – «масуд». Шли годы, а военное счастье так и оставалось на стороне множившихся в каждой афганской провинции «ахмадов» и «шахов». Год 1984-й – пик наших потерь: более 2300 из 14 тысяч. Неизвестное доселе название ташкентского похоронного бюро стало нарицательным – «Черный тюльпан». Но и тогда логика искала подтверждения в эмоциях и наоборот: ведь готовятся в Союзе «новые афганцы», говорящие с нами на одном во всех значениях языке. Как в родной Средней Азии. Местные уже не просят советских таджиков клясться на Коране, что, мол, в Союзе у каждого есть холодильник и телевизор. Мы уйдем – продолжат те, кто хочет того же. Нужно только освободить от непримиримого Ахмад Шаха ущелье Пяти Львов – Панджшер (40 процентов мировых запасов полудрагоценного лазурита – главного достояния афганского народа). А то, что дома мало кто знает, что здесь идет война, на то и военная тайна. Да и домашним спокойнее.

Проблем, конечно, много. Но все решаемо. Вот и афганский летчик, сын неграмотного пуштуна-кочевника, первый азиат, поднялся в космос: «кто был никем, тот станет всем». Хотя никто из афганцев не может взять в толк, что значит начертанное на каждом кабульском заборе: «Хальк ва хэзб – як шавед» – «Народ и партия – едины». Поднаторевшие в исламе шурави популярно разъясняли: «Это такой священный аят. Купленные баями муллы его от вас скрывали». Как и то, что «национальное примирение – это воля Аллаха». Кстати, «СССР – и есть страна победившего Аллаха».

Бери шинель, пошли... Куда?

Перестройку встретили как долгожданный час истины: теперь все изменится к лучшему. Пришедший к власти интеллигентный врач Наджибулла по-восточному амбициозен. Но ведь влиятелен и деятелен. Ему можно оставить Афганистан, а самим с гордостью вернуться домой: мы свое дело сделали, враг не прошел. Вот и о войне стали писать без дурацких эвфемизмов: «Организация учебного боя в условиях, приближенных к реальным». Едва ли не с посмертным вручением орденов «передовикам соцсоревнования». Но что это? Неужели там, в Москве, все посходили с ума? Перед выходом «на караван» солдат находит листовку, подписанную теми же «прорабами перестройки»: «Бери шинель, пошли домой». Понятно, куда девать цэрэушно-моджахедскую версию «Красной звезды». Но вот московскую листовку? Куда теперь идти солдату, если завтра и так все выйдем?

А вышли все-таки с достоинством. Совсем не так, как через пять лет входили в Грозный. Чего это стоило, знают немногие. Если бы только галоши, солярку да дрова жертвовали хозяевам дорог и перевалов! Уже в 1988-м у бандглаварей стали появляться, как мы их называли, «исламские замполиты» – талибы. Они отличались тем, что с советскими, как правило, не общались и любого парламентаря встречали «приветливым взглядом исподлобья»: с вами, шурави, мы после поговорим... Логика времени в экспрессии лозунга: «Не допустить второго Мейванда!» Это название из истории другой войны – англо-афганской. Тогда, в XIX в., из 17-тысячного английского корпуса в живых остались 46 человек, среди которых – прототип доктора Ватсона. «Мейванда» не было. Девятимесячный вывод войск, конечно, не всегда сопровождала медь оркестров. Да и за десять лет наш контингент обновился, в том числе в моральном смысле: были и такие, кто домой вез не только купленный в духане мельхиоровый перстень. Но вслед за привычным «Я вас туда не посылал!» все с большей дерзостью Родина всем возвращающимся адресовала вопрос: «Вы понимаете, что вы – агрессоры, убийцы, к тому же позорно проигравшие войну?» Вместо задержавшегося ответа – слова из песни, которые

уже никто не перепишет: «И отплясывают рьяно два безусых капитана, два танкиста из Баглана на заплатах броне». Проигравшие ведут себя, пожалуй, иначе.

Памяти Жоры и Андрея

В полночь 27 декабря 1979 г. первой по сухопутному маршруту на термезский мост через Аму-Дарью вышла боевая разведывательно-дозорная машина дислоцирующейся в Душанбе 201-й Ленинградско-Гатчинской мотострелковой дивизии. В 9.35 15 февраля 1989 г. уже в обратном направлении речку Кушку пересек замыкающий последнюю колонну грязный танковый тягач. На его кузове сквозь снежную пелену читалось: «Ленинград – Всеволожск». Наверное, отсюда призывался один из последних солдат десятилетней афганской войны.

Она оказалась для каждого своей, в том числе в ее личном и узкопрофессиональном измерении. Офицер разведотделения Ферганской воздушно-десантной дивизии старший лейтенант Георгий Татур погиб недалеко от Кандагара в 1980 г. – одна из первых афганских потерь среди моих коллег-переводчиков. В числе последних – капитан Андрей Шишкин, подорвавшийся 29 января 1989 г. под Шиндандом по дороге к своим из расположения только что, наконец, «договорившегося» с шурави об их (нашем) свободном проходе домой отряда моджахедов...

С самолета на бал? или Последний Новый год шурави

А потом... Стопки и кружки, крышки от фляжек и мерные медицинские стаканчики – сдвинули разом. Не предотвращенный никакими инструктажами фейерверк расцвел черное небо мириадами трассирующих конфетти. Одуревшая лентопротяжка в сотый раз затянула: «Мы уходим, уходим...». Да будет последним на чужбине этот восемьдесят девятый! С Новым годом! Прозит! Чиэрс!

* * *

21 час с минутами. 31 декабря. Афганистан. Знакомый зигзаг бетонки. Аэродромной морзянкой мигает буква «Ш» – Шинданд. На каждом изгибе дороги закутанный в одеяло сорбоз опасно вскидывает автомат. «Аз феркее шоурави» – «Я – из советской дивизии». Голубая ооновская наклейка на ветровом стекле уазика. Едем провожать последний борт – на Союз. Молчим: старший наблюдатель поста ООН – австрийский подполковник, его помощник – майор из Непала, водитель Степанов (Степа) и я – офицер по взаимодействию с военными наблюдателями ООН.

Задача ооновцев – с точностью до человека отслеживать вывод нашего ограничивающегося с каждым днем контингента. Сегодня уже дважды были на аэродроме, проводили два борта. Сколько их – «интернационалистов» – в предвкушении скорого дембеля готовятся «побоевому» встретить Новый 1989-й? Уже дома, в Союзе, но под бдительным оком отцов-командиров – из числа не вызвавших в Ташкент своих жен.

Ах, как утром своих провожал автобат! Колонна камазов-«шаланд» надрывала сирены, пока не слился с небом серебряный крестик «ан-двенадцатого». Ооновцы – не то что хмуры, так уж получилось: завтрак был в ужин, сели обедать – звонок, вперед – считать. А от ужина отказались – хотели организовать свой. Вообще-то с этими делами у них строго: и со счетом, и с трехразовым питанием... Этот рейс – дополнительный. Выводится часть госпиталя, кажется, терапия. На поле много медиков, нервных гражданских летчиков в синей, совсем забытой здесь форме: «кому там наверху понадобилось посылать самолет под Новый год?» Хорошо, еще нет

журналистской братии, их перед посадкой собирают по всему полю, а аппаратуры столько, что, кажется, легче танк загрузить...

Впрочем, время еще есть. 21.40. До Нового года больше двух часов... Быстрее бы со списками... Главный воздушный эвакуатор из штаба 40-й армии подполковник Яковлев бойко направляется к ооновской машине: «Готово, всего – 85, из них офицеров... итого за сутки – 154... проверьте, подпишите...».

– Погодите, подполковник, – степенный австриец с блокнотом выбирается из уазика, – во-первых, не 154, а 145, во-вторых...

– Я и докладываю: 145 – рядового состава и 9 – врачей...

Местное время – 22 часа без минут...

– Позвольте, господин подполковник, с врачами – 145, а те 9 – корреспонденты, вне списка...

– Начнем сначала... утром: рядового состава – 67, офицеров... еще 17, которых мы провели, как вчерашних...

Двадцать два часа двадцать минут. До Нового года...

– Майор, переведите господину Яковлеву... Я буду докладывать в Кабул... Женева...

– А у меня начальник – генерал Громов...

– ...а господин Шеварднадзе генеральному секретарю Пересу де Куэльяру...

Двадцать два тридцать пять...

– Это вы задерживаете вылет... я могу и без подписи... через 30 минут коридор закрывается... все равно ведь выходим... Все. 154. И с Новым годом...

Самолетный прожектор уныло освещает нестрогий строй. Кто-то долго надевает бушлат. Кто-то перебирает свой фирменный чешский дипломат: парфюмерный набор, мельхиоровый перстень, дембельский альбом с наклеенным на обложку благодарственным напутствием Наджибуллы... Ну, сколько еще ждать? Двадцать три часа ноль пять минут... Военно-политический кризис местного значения вступает в стадию развязки: «Боря, спроси у ооновцев, как они насчет жареной картошки? У меня в батальоне еще и соленьюшки лисички, знаешь, как по-английски “лисички”»? – дипломатично намекает на большее начмед дивизии майор Антонов... Педантичный австриец обдумывает предложение: «Вообще, конечно... надо бы с коллегой посоветоваться». Мнение «коллеги» читается в глазах: явное «за».

Подполковник в голубом берете медленно – уже для проформы – достает ручку, отвинчивает колпачок..., что-то еще пытается объяснить, но его заглушает гул самолетной турбины... «У кого – вспышка? Давай, сфотографируемся на память. А теперь, Степа, жми за “санитаркой”»...

Грохочущая магнитофоном палата – самая вместительная в медсанбате: последних раненых эвакуировали с госпиталем. Полчаса назад. На каждом квадратном метре стены – нарисованные елки. Ох, как хотелось видеть ее живую! Несколько сдвинутых буквой «П» парт, накрытых застиранными, но накрахмаленными простынями. Посередине, на тумбочке – «кремлевская елка». Так написано на листке, приколотом к высохшему букету. В нем подобие верблюжьей колючки, окаймляющей «бывшие» цветы. Их – свой свадебный букет – принесла бойкая Маринка Саид – медсестричка, недавно вышедшая замуж за афганского гэбэшника. В Афганистане нет цветов. Эти привезли из Кушки. «Главная елка» украшена ватой, нитками-мулине и «чертиками», сплетенными из трубок от капельниц. Зато стол – слава Аллаху! – воистину «православный»: и с жареной картошкой, и с лисичками. Блюдо от «шеф-повара» – полуманты-полупельмени. А уж чего налить... «Маринка, дай “сиску”!» (лимонад «SISI» в диковинной тогда для нас банке из алюминиевой фольги). Командир, вырубинафиг-Горбача, порасчитать!» – «Восемьдесят, восемьдесят один, восемьдесят два... восемьдесят восемь... И под нарастающий гул – все хором: ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ!!! А потом...

* * *

С Новым годом! Где бы вы сегодня ни находились: полковник в отставке Яковлев, генерал-майор медицинской службы Антонов, бывший военный наблюдатель ООН Рейнтхофер и ты, водитель рядовой запаса Степанов... Может, в наступающем году отыщется и сгинувшая в талибское лихолетье украинская афганка Маринка Саид, в ту новогоднюю ночь так задорно «спывавшая» «Ты ж мэнэ пидманула»...

Шинданд, Афганистан, 1988–1989 гг. – Петербург

«Прощай, Афганистан, которого мне жаль...»

Эта строчка из песни самого «афганского» из советских бардов – военного корреспондента «Правды» Виктора Верстакова. Песня впервые прозвучала двадцать лет назад, в день, когда СССР вывел войска из Афганистана. Нам и сейчас жаль страну, где не растут цветы. Из нее мы ушли, не доделав задуманного. Жаль афганцев, с одинаковым достоинством смотрящих на жизнь и на смерть. Потом к этой жалости добавился стыд за предательство преданных нам. Но сегодня, восполняя тогда недосказанное, мы вспоминаем себя молодыми: «Мы вышли. У нас масса проблем. Мы живы»...

Пророчество дервиша

...Год 1988-й. Близ Шинданда. На сносном русском языке витийствует афганский дервиш с завязанной в пояс медалью «За победу в Великой Отечественной войне». Возможно, единственный ее участник и кавалер из живых афганцев. Его «забрили» в 1944-м по ошибке, когда он гостил у тестя в советском Таджикистане. «Вы пришли, чтобы отсрочить большую войну афганских таджиков с пуштунами. Оставайтесь здесь подольше. Если войну не закончите, заберете ее с собой», – пророчествовал морщинистый дервиш. Он не ошибся...

...Сверхсрочник-чеченец осаждает дивизионный политотдел: «Поймите, у меня пять дочерей, ни одного наследника. Хочу усыновить парнишку из гератского детдома. Это и есть мой интернациональный долг». Не дали из-за санитарных различий здесь и в Союзе. Где ты сегодня, старший сержант? Не надели ли твои наследницы пояса шахида?

...С придорожной заставы по-разгильдяйски «сбежал» одиночный да еще и почти безоружный бэтээр: до родного гарнизона 40 километров, всегда сходило и сегодня сойдет... Заглох на ночной дороге. Машину окружили спустившиеся с гор «духи» – много духов. Пришлось задраить люки-двери. Духи постучали по броне, стали разжигать на ней хворост. Сержант принимает командирское решение – застрелиться всему экипажу. Последним стреляет в себя. Еще через какое-то время подходит подмога. Откачали одного сержанта. Слабо, Голливуд?

Поблизости от этого сюжета – разгадка: почему за весь Афган не захватили ни одного западного наемника. Целый отряд «черных аистов», наверное, слишком доверился букве советского боевого устава. Поэтому резонно рассудил, что дистанция между головной походной заставой и основной колонной не может быть километров в семьдесят... Головных «аисты» сожгли заживо, нимало не сомневаясь, что в их руках вся колонна. Попытались даже проникнуть внутрь сожженных машин. Тут-то и подошли основные силы... Могла ли кому-нибудь из шурави прийти в голову хоть строчка из Женевской конвенции о правилах ведения войны и, тем более, о каких-то там пленных? Когда все стихло, кто-то догадался снять с останков «аистов» штаны. Обрезанных среди них почти не было, да и бельишко – ой, какое неместное. Предъявить миру такие политически востребованные доказательства возможности не было. Ущелье. До ближайшей безопасной для вертолета площадки километров 100. И жара за 50. Так что обошлись без политики и панихид, прости, Господи, нас, грешных...

Доскажем историю до конца...

Завершение войны пришлось на период мазохистских саморазоблачений, а то и подлости. Откуда у солдат, уходивших брать караваны, оказывались не только цэрэушно-бенладенские версии «Красной звезды», но и вполне отечественные листовки на тему: «бери шинель,

пошли домой»? Мол, доберешься до Москвы, заходи или звони – поможем. А под листовками стояли подписи, ох, каких известных тогдашних политиков. Потом те же сострадальцы взяли чистый лист и дотошно заполнили одну сторону. Обратную. Так и осталось: мародерство, дезертирство да дедовщина.

Прочтя «а», допишем и «б». Сколько в памяти случаев, когда командиры безо всяких инструкций устраивали «шмон» вернувшимся из рейда солдатам. Обнаружив у кого-нибудь в кармане часы, старшина или ротный выводил парня перед строем на импровизированный плац. Затем обладателя «боевого трофея» посылали за пудовым валуном. Причем, не всегда в ближайший овраг. Не дав времени на перекур, пацана гнали за такой же второй каменнойгой. А потом заставляли положить часики на один валун и прихлопнуть другим. Безразличных к зрелищу оставалось, поверьте, немного...

А что до дедовщины, то и здесь из песни слов не выкинешь: практически никто из последнего «афганского» призыва на «боевые» не ходил. «Деды» не пускали. Вплоть до того, что «строили» не в меру ретивых лейтенантов.

На фоне первых перестроечных съездов звучала и такая хлесткая тема: мол, били по своим... Многие бывшие «афганцы» помнят, как в 1987-м вертолетчик, кстати, сын популярного военачальника, в суматохе боя дал залп по своим же десантникам. Потом пытался застрелиться. Вернули в Союз. Списан и спился. Было. Было и другое. В ходе одного из самых кровопролитных боев за всю историю афганской войны – в ноябре 1988-го близ Кишкинахуда, провинция Гильменд, командир взвода лейтенант Гончар, санинструктор рядовой Абдурахманов и рядовой Семашко свыше 3 часов доставали из самого пекла погибший экипаж танка... Доставать оказалось нечего. Взорвалась боеукладка. Принесли из танка один обгоревший автомат...

Третий тост

Из старого афганского блокнота выпадают полуистершиеся листки. Сохранить бы то, что осталось: пыль, гравий, цветные портреты полковых героев. Хаотичная мозаика сюжетов, фраз, случайных взглядов, как душа непогребенного. Афганистан. Снится. Было.

Пусть сегодня, спустя 20 лет, напомним о себе шурави, прогрохотавший в полдевятого утра 15 февраля 89-го к Кушке. На последнем в нашей колонне грязном танковом тягаче с залихватской надписью «Ленинград – Всеволожск»... Может, кто-нибудь встречал сублимного доктора, который, как запечатлено в песне, «плюнул и к минному полю пошел». В предпоследний день афганской войны?

...и расскажет о своем послеафганском бытии прошедшая ад госпитальных ампутаций медсестра, представлявшаяся «разведенкой с Гражданки»... Пусть поведаст о своих потомках контуженный под Кандагаром водила, который заявление в загс относил в афганской форме: не было у парня ничего более святого. Жив ли ты, «минный тральщик», 14 раз (!) подрывавшийся на своем танке – значит, переживший столько же контузий? С зажатым в трясущейся ладони «Красным Знаменем». Где ты – подполковник Саркис Хамедов, полуармянин-полуазербайджанец, спустя год оказавшийся в телевизионном фокусе карабахского конфликта?

* * *

...ностальгия никогда не отпустит. Ностальгия по времени, когда за спиной стояла страна – проблемная, но великая. В Афгане проявлялось это по-разному. Например, во время киносеанса в солдатском клубе Шинданда – «Несколько интервью по личным вопросам». С несравненной Софики Чиаурели – воплощением безгранично-женского обаяния и общесоюзной интеллигентности – «без России, Латвий и Грузии»; ...в «казарменном» русско-украинском

суржике, пересыпанном восточными словечками: «На ужин ниякого гуманитарного бакшиша нэ маемо?», что воспринималось как язык «воинов-интернационалистов»...

В редакционной полуземлянке дивизионной газеты под маскировочной сетью собирались барды-«пииты» со всего многотысячного шиндандского гарнизона.

Именно Афганистан подарил нашей культуре пронзительную поэтическую струну, которая до сих пор, прочнее, чем СНГ, связывает бывший Союз: Игоря Морозова – «И отплясывают рьяно / Два безусых капитана / Два танкиста из Баглана / На залатанной броне»..., ...Михаила Михайлова – «Мы ещё не вернулись, / Хоть привыкли уже / Находиться среди улиц / И среди этажей...», наконец, Виктора Верстакова – «Прощай Афганистан, которого мне жаль...»

«Прощай, Афганистан, которого мне жаль». Третий тост. Стоя. Молча.

Не бойся, если вдруг тебя разлюбят...

Его полное имя звучит торжественно – Али Абдул Гафур эль-Кундузи. Посвященным оно говорит о многом. Об арабских корнях, о высоком месте в иерархии этой сверхпереплетённой даже для многонационального Афганистана провинции – Кундуз. Другое дело, что тамошняя аристократия, вопреки европейским представлениям о ханах и шахах, отличается от прочих, живущих сколько-нибудь с достоинством, разве что ценностью ковров, обязательным еженедельным пловом да могилами родственников, упокоенных на священных кладбищах – мазарах. О родстве с хозяевами здешних мест, таджиками, причем духовного происхождения, его имя точно свидетельствует: арабское Гафур перекликается с персидским Гафар – этими именами называют общепризнанно достойных. К тому же с местной арабской голытьбой родовитые таджики не сближаются, считая их тамошними «цыганами» и экзотическим меньшинством – в Кундузе их всего пять-шесть тысяч. Впрочем, и в детстве и потом его будут звать просто Али. По-русски, разумеется, Алик, и даже Алёша...

* * *

В армию его забрали в 1988 г. 20 лет от роду. Забрали так, как забирали тогда всех. 53-я узбекская дивизия генерала Дустома, одного из наиболее влиятельных военачальников Наджибуллы на севере Афганистана, поочередно окружала кишлак за кишлаком, район за районом. Всех юнцов и аксакалов, кто не мог откупиться на месте, гнали, как скот, за колючую проволоку так называемого «марказэ-харби» – дивизионного учебного центра, находившегося в четырех километрах от Кундуза. Почти сразу туда приезжали грузовики «ГАЗ-66», чтобы спешно увезти хотя бы ту часть «призывников», которая по внешнему виду могла носить оружие. Остальных тоже нельзя было держать подолгу: больных – их бывало до трети – отпускали к тут же толпившимся родственникам. Они, рисковавшие пополнить тех, кто за проволокой, тянулись сюда с тачками и баранами. Счастливых отдавали не за так, а за блеющий «выкуп». Кого-то фильтровали гэбисты-хадовцы: увозили не только подозрительных, но и тех, кто приглянулся им самим – в воюющей стране военных кадров много не бывает. Да и какая-никакая конспирация: все, мол, видели, что такого-то заарканила госбезопасность. ХАД всегда имел преимущественное право на отбор новобранцев в свои ряды. Вообще-то Али уже один раз забирали в учебный центр, но тогда отпустили. Потому что за него похлопотал отец – едва ли не единственный в Афганистане араб-инженер и бывший партработник. Он позвонил самому Наджибулле.

Впрочем, все по порядку. Отец Али, Абдул Гафур, учившийся в Советском Союзе в начале 1970-х годов, вернулся в Кундуз с дипломом Ташкентского университета, активистом Народно-Демократической партии Афганистана и искренним другом Советского Союза. Правда, непростое происхождение и образованность привели его не к революционерам из

бедняцко-левацкого крыла «Хальк», а к социал-реформаторам из «Парчама». Его лидером являлся Бабрак Кармаль. С ним Абдул Гафур эль-Кундузи поддерживал отношения до окончательного переезда Бабрака в Союз в 1987 г. А тогда, в 1978 г. Саурской революции, сначала халькист Тараки, потом его еще более радикальный соратник Хафизулла Амин сочли всех парчамистов главными врагами народной демократии. Парчамисты, кому удалось миновать кабульский застенок Пуле-Чархи, бежали кто куда. Проще было бежать из провинциального Кундуза. Впрочем, в сентябре 1979-го за семьей Али приехал русский советник в советско-афганской кампании по строительству железной дороги Термез – Хайратон. Он работал здесь уже несколько сроков и, как и отец Али, называл себя путейцем-железнодорожником – «по крайней мере, в душе!» Гость прилично знал дари и арабский, что, собственно, и сблизило его с Абдул Гафуром. Может, из-за этого знакомства семейство не трогали ни при короле, ни при Дауде, ни при народной власти. Дружба с «шоурави» – «советским» тогда дорогого стоила... Ведь Итгэади Шоурави – Советский Союз – это страна Аллаха. Так считали все, кто по случаю гостил по ту сторону Пянджа – Аму-Дарьи... Или, по крайней мере, верил не только в Аллаха, но и в лучшую жизнь для своих детей... Может, поэтому и сегодня большинство афганцев зла на шурави не держит... Грузить небогатые пожитки (ковры да швейную машинку) помогал дервиш-узбек – едва ли не единственный афганец – участник Великой Отечественной войны: его забрили в 1944 г. по ошибке, когда он гостил у родственников в узбекских Каршах. Бачам-пацанам со всего квартала-махалля он показывал замотанную в поясной платок медаль «За победу над Японией».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.